

О тенденциях развития общественно=литературной жизни европейских социалистических стран в 1975-1980 гг. (НРБ, ВНР, ПНР, СРР, СФРЮ, ЧССР)

Вторая половина 1970=х гг. проходила в социалистических странах под знаком наращивания и дальнейшего совершенствования материального и духовного потенциалов. Вместе с тем объективные конкретно=исторические условия, накладывавшие отпечаток на характер, темпы и глубину социально=экономических и общественно=политических преобразований в предшествующий период в различных странах, продолжали оказывать свое влияние на развитие этих стран и в рассматриваемые годы. При всей специфике литературы как особым образом организованной формы общественного сознания в ее развитии достаточно отчетливо преломляются универсальные "формационные" закономерности.

Рассматриваемый период в развитии литературы, критики и литературоведения европейских социалистических стран характеризуется, в частности, целым рядом позитивных моментов: продолжающимся укреплением позиций социалистического реализма, что выразилось прежде всего в создании новых по своей художественной ценности и социалистических по идейной направленности произведений, и реалистического искусства вообще; известным ослаблением интереса к западно=европейскому модернизму и ростом внимания к достижениям реализма в мировой литературе; новой активизацией сил марксистской эстетики, стремящейся к более тонкому определению места и роли искусства в обществе развитого социализма; ослаблением влияния ~~структурализма~~ структурализма и других формалистических теорий; сплочением писателей разных социалистических стран под лозунгом борьбы за мир и разрядку в Европе.

Наряду с этим в литературе и литературной жизни рассматриваемых стран продолжали существовать, а в ряде случаев опасно накапливаться, противоречивые и негативные тенденции, отражающие специфику общей идеологической ситуации в отдельных странах, а также идейную неоднородность среды творческой интеллигенции. В некоторых странах все еще сильны национально-эгоцентрические (Польша) и националистические (Румыния) тенденции. Крайней противоречивостью, резким расхождением направленности "легальной" и получившей широкое распространение "нелегальной", антисоциалистической литературы отмечена литературная ситуация второй половины 70-х гг. в Польше. Острая идейная борьба, противоборство взаимоисключающих эстетических тенденций продолжается в литературе Югославии. Неизмеримо более сильны партийные позиции в литературе Болгарии, Венгрии, ГДР и Чехословакии, хотя и здесь существуют свои трудности и весьма острые проблемы.

При том, что 70-е гг. в целом характеризуются интенсификацией процесса формирования многонациональной идейно-художественной общности литератур европейских социалистических стран (показательно резкое возрастание как в СССР, так и в ряде других стран — ГДР, ЧССР, ВНР — литературоведческих работ, посвященных изучению и осмыслению этого процесса) продолжают, как подчеркивалось выше, существовать и резкие отличия в литературной ситуации отдельных стран.

Верное истолкование причин закономерно расширяющегося многообразия современных социалистических литератур — при решительном отделении от этих процессов ревизионистских и антисоциалистических наслоений — предстает сегодня как одна из ключевых проблем не только теории литературы. От правильности постановки и понимания этой проблемы существенно зависит, как это показы-

вается в записке, конкретное определение культурной политики соответствующих партий в названных странах. И если для Болгарии, Венгрии, ГДР и Чехословакии в целом характерна линия, рассчитанная на укрепление диалектического единства идейной принципиальности и художественной открытости в литературе, то в Польше, Румынии и Югославии (в каждой стране по разным причинам) принципы такого единства далеко еще не найдены.

Как свидетельствует художественная практика в СССР и других социалистических странах единственной надежной платформой развития социалистических литератур, художественной культуры социализма вообще может стать лишь современная теория социалистического реализма, призванная обобщить реальные достижения мирового социалистического искусства. Между тем в этой области все еще существуют тенденции, тормозящие утверждение нашего художественного метода. Речь идет о двух крайних позициях — субъективистско=ревизионистской и узко=догматической. Приверженцы первой крайности, как правило, спекулируют на догматических ошибках и под флагом борьбы с ними безбрежно расширяют рамки социалистического реализма — фактически разрушают его идейно=философские основы; сторонники второй крайности отстаивают в сущности нормативность, регламентированность художественных форм, т.е. искажают понимание реальных эстетических возможностей социалистического реализма и тем самым объективно отталкивают от него многих прогрессивных зарубежных художников и критиков. К сожалению, обе эти крайности, чуждые ленинским принципам партийности литературы и искусства до конца не изжиты даже в советском литературоведении и критике. Борьба за их последовательное преодоление должна вестись поэтому одновременно, в тесном содружестве советских специалистов с критиками=марксистами.

тами других социалистических стран, иначе она не приведет к нужным результатам.

В настоящее время именно ситуация непреодоленных крайностей все еще во многом определяет отношение к социалистическому реализму. В Польше понятие социалистического реализма по преимуществу игнорируется, так как его связывают только с догматической нормативностью, отторгают от своего национального процесса, пишут о том, что социалистический реализм является методом якобы исключительно советской художественной культуры. Сходные взгляды существуют в Румынии. Наиболее резкое неприятие социалистического реализма наблюдается в Югославии, где и в художественной практике широко представлены модернистские течения.

Но даже в этих странах есть художники, отдельные критики и теоретики, которые полностью разделяют или близки к позициям социалистического реализма. Задача состоит в том, чтобы поддержать эти близкие нам силы и вести борьбу за привлечение других. Для этого нужна ясная трактовка социалистического реализма, исключая и буржуазно=ревизионистские, и сектантско=догматические толкования. Живая практика художественного развития в социалистических странах свидетельствует о том, что неизжитые, в частности, вульгаризаторские, узко=догматические взгляды на социалистический реализм приводят к дискредитации социалистического искусства и литературы (а это немедленно используется нашими идеологическими противниками), облегчает распространение ревизионистских тенденций, отталкивают многих наших потенциальных сторонников.

В последнее десятилетие коллективными усилиями значительной части советских теоретиков литературы и искусства успешно выработывался широкий взгляд на социалистический реализм как на прин-

ципиально новую эстетическую систему. В ходе обстоятельных конкретных разработок и творческих дискуссий были выявлены и подвергнуты убедительной критике ошибочные взгляды, приверженцы которых вольно или невольно вульгаризируют исходные принципы метода — марксистско-ленинскую теорию познания, коммунистическую партийность, социалистический гуманизм. На основе анализа и теоретического обобщения богатейшей интернациональной практики социалистического искусства были доказаны широчайшие возможности бесконечного развития самых разнообразных форм художественной правдивости. В этом смысле социалистический реализм стало принято определять как исторически открытую систему правдивого изображения жизни.

Эта концепция социалистического реализма отражена в многочисленных статьях и книгах советских авторов. Ее принимают и широко поддерживают в Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии, поскольку она наиболее соответствует объективной логике развития социалистических культур на современном этапе. Мы убеждены, что только на ее основе возможно дальнейшее плодотворное укрепление взаимопонимания с художественной интеллигенцией стран социализма, включая и такие страны как Польша, Румыния, Югославия.

Этот теоретический аспект необходимо иметь в виду при ознакомлении с конкретным материалом, сгруппированным далее по странам, в прилагаемых аналитических обзорах.

Болгария

В своей культурной политике БКП исходит из марксистско-ленинского положения о незаменимой роли культуры и литературы в деле воспитания строителя нового социалистического общества. XI съезд партии уделил специальное внимание актуальным проблемам современной болгарской литературы. Достижения ее получили высокую оценку. Был отмечен наметившийся "перелом от более или менее единичного к массовому обращению художников слова к проблемам социалистической современности" и в то же время подчеркнуто, что этот перелом все еще не довел до "овладения современной темой во всей ее исторической масштабности и значимости". Партия призвала болгарских писателей к более тесным связям с народом и к дальнейшему совершенствованию художественного мастерства.

Примеров постоянной заботы партии и лично т. Живкова о развитии болгарской литературы можно привести много. В своей речи перед участниками III национальной конференции молодых писателей /1977/ он вернулся к этому вопросу. "Костяком болгарской литературы является борьба болгарского народа за свободу, прогресс и социализм, делает вывод Тодор Живков, — основа основ болгарской литературы — политическая". Речь идет здесь, разумеется, не об отрицании проблемно-тематического и эмоционального богатства болгарской литературы, а о гражданской позиции, с которой писатели "исследуют и воплощают мир, о социальных, политических, нравственных и эстетических идеалах, которые они утверждают или отрицают, возвышают или клеймят".

Культурная политика партии находит полную поддержку у болгарских писателей всех поколений. Конечно среди них можно найти и несколько человек "инакомыслящих". "Мыслящие иначе есть и их не

может не быть, — утверждает Тодор Живков в той же речи, — в таком сложном, противоречивом и трудном историческом процессе, каким является социалистическое переустройство общества". Однако культурной оппозиции, дессидентства как политического явления в Болгарии не существует. Тодор Живков подчеркнул главный и решающий факт: "огромное большинство нашей творческой интеллигенции всех поколений и во всех областях искусства и культуры, самые лучшие и талантливые стоят твердо, убежденно и непоколебимо на позициях социализма, сознательно следуют политике БКП и самоотверженно борются за ее претворение в жизнь..."

Новые тенденции развитого социалистического общества порождают целый ряд конфликтов социального и морального планов. В художественном осознании этих конфликтов в литературе по-прежнему преобладает нравственный аспект. Своеобразие болгарской литературы 70-х годов базируется на художественном освоении ею новой жизненной проблематики, новых тематических пластов. В этом процессе видоизменяются и обогащаются художественные формы литературы, ее жанровая стилистическая структура.

Ведущим родом литературы на данном этапе остается проза. Однако характер художественной формы во многом меняется. Не расставая с недавним прошлым, осознание хотя и преодоленных, но все еще болезненно памятных негативных явлений известного периода развития общества, а подведение жизненных итогов, анализ всей пестрой цепи успехов и поражений является теперь объектом исследования писателей /Д.Фучеджиев, П.Вежинов, Й.Радичков и др./.

В 70-е годы усилилось критическое начало в литературе. Возможно, в связи с этим наблюдается некоторое оживление сатиры и юмора особенно в драматургии /Й.Радичков, И.Радоев, С.Стратиев, Н.Йорданов/.

нов и др./ . Гражданское начало остается доминирующим в поэзии /Л.Левчев, Д.Методиев, Д.Дамянов и др./ .

Бурный темп жизни в эпоху НТР оказывает существенное воздействие на формирование личности, ее нравственный мир. Но воздействие это неоднозначно и зачастую приводит к серьезным конфликтам. Один из важнейших литературных видов в известном отставании нравственного роста современника от развития материальной базы общества. Такая диспропорция порождает множество остродраматических и, порой, трагических ситуаций.

Болгарские прозаики не уходят от обсуждения теневых сторон в развитии общества, от освещения нравственных изъянов у отдельных его представителей. Напротив, можно назвать ряд талантливых произведений, в которых трудные и запутанные жизненные коллизии раскрыты со всею откровенностью и трагические финалы, в которых подчеркивают важность поднятых проблем /повести П.Вежинова "Барьер", "Озерный мальчик", "Белый ящер"; С.Стратиева "Короткое солнце" и "Дикие пчелы"; Г.Мишева "Дачная зона" и др./ . Пафос таких произведений направлен против современного мещанства с его потребительской философией, усиления технократических тенденций, эгоизма и равнодушия, обеднения эмоциональной и духовной сфер личности за воспитание гармонического, духовно богатого человека социалистической эпохи.

Новые общественно-экономические процессы в Болгарии самым существенным образом отразились и на жизни села. С коренной перестройкой сельского хозяйства в Болгарии и связанной с этим миграцией крестьян в города и на стройки меняется мироощущение целого слоя населения. Адаптация к новым условиям, как правило, не проходит быстро и гладко, и литература старается отразить наиболее характерные признаки этого сложнейшего социального и нравственного

процесса /повесть Г.Мишева "Удаление", роман В.Попова "Низина" и др./.

Деревенская тема в болгарской литературе всегда занимала важное место. В 60-70 годы к ней обращается ряд талантливых писателей /Й.Радичков, И.Петров, В.Попов, Г.Мишев и др./.

Гибель старого крестьянского мира неизбежна. Эта мысль так или иначе присутствует в любом из произведений на деревенскую тему. Вместе с тем в тех же произведениях читатель нередко почувствует лирическую печаль, ностальгию по навсегда исчезающему старому селу, с которым кровно связан почти каждый болгарин, которое было колыбелью всего национально болгарского и хранителем моральных устоев народа. Грустное сочувствие уходящему миру связано в конечном счете с тревогой, которую внушает расшатывание этих моральных устоев как у крестьян, оставшихся в селе, так и у покинувших его. К сожалению, произведения, отражающих жизнь крестьян в новой деревне /агро-промышленные комплексы и пр./, почти нет.

Один из популярных писателей современной Болгарии Й.Радичков подходит к решению коллизии "цивилизация-патриархальность" многоаспектно. Он изображает ее и как комедию, и как трагедию, и как трагикомедию. Поэтика этого писателя очень сложна и необычна. Противоречивость и зачастую хаотичность реакций крестьян на вторжение в стереотипы их патриархального мышления нового времени изображается писателем во многих случаях гротескно. Главное для него не упустить нравственной доминанты, остановить наступление мещанской стихии, потребительства и равнодушия.

В стремлении всесторонне исследовать истоки сознания своего народа писатели естественно обращаются к многовековой истории. Цель их не только в воссоздании событий, а более всего - поиски в прои

лом основ национального характера, особенностей психологии, нравственных ценностей. Это то, что связывает историю с сегодняшним днем народа. Историческая проза такого плана, очень разная в стилевом и тематическом отношении, обычно тяготеет к философской и нравственно-этической проблематике /произведения Г.Стоева, Э.Станева, Слава Хр.Караславова, В.Мутафчиевой/.

Конец 70-х годов в болгарской прозе был ознаменован известным оживлением романа на современную тему. Бесспорным успехом в этой области явились романы — "Ночью на белых лошадях" П.Вежинова и "Низина" В.Попова. Авторам удалось достичь высокой степени художественного обобщения существенных признаков времени в сегодняшней Болгарии.

В 70-е годы болгарский народ отметил ряд знаменательных исторических дат /100-летие Апрельского восстания, 100-летие освобождения Болгарии от османского владычества, 50-летие Сентябрьского антифашистского восстания 1923 года, 90-летие со дня рождения Г.Димитрова, 20-летие Апрельского пленума ЦК БКП 1976 года/, а в самом начале 80-х годов будет праздновать 13-ти вековой юбилей болгарского государства. В 1979 году с большим размахом проводилось чествование 70-летия со дня рождения Н.Вапцарова. К юбилею вышло несколько монографий, посвященных жизни и творчеству поэта, масса статей, "Летопись жизни и творчества", составленная Б.Вапцаровой, сборник воспоминаний и пр. Были проведены литературные вечера, научные сессии, конференции, в том числе международные. Пристальное внимание к личности выдающегося поэта связано не только с крупным вкладом его в болгарскую литературу, но и с попытками македонских литературоведов из Югославии фальсифицировать творчество Вапцарова.

Заметно оживление и литературоведческой мысли. Коллективными усилиями ученых завершен труд по истории болгарской литературы с древнейших времен до наших дней /в 4-х томах/, вышли Очерки истории болгарской литературы после 9 сентября 1944 года, завершена "Панорама болгарской литературы" /в 5 томах/ акад. П.Зарева, осуществлено обширное исследование болгарской литературы XIX-XX вв. акад. Г.Цаневым. Истории болгарского театра и драматургии посвятили свои книги С.Каракостов. В одном труде обобщил свои многолетние исследования болгарско-русских литературных связей В.Велчев. Это далеко не полный перечень ценных трудов, свидетельствующих о высоком уровне литературной мысли и определенной активности ученых.

Современная литература пользуется особым вниманием болгарской критики. Авторы подчеркивают благотворное воздействие на развитие социалистической литературы общественной атмосферы в стране, особенно после Апрельского пленума, предоставившего писателям широкий простор для творческого поиска. Зрелость болгарской литературы на современном этапе развития — не только в наличии большого числа талантливых писателей, создающих яркие произведения, но и в широком диапазоне художественных исканий.

Жанрово-стилевое разнообразие болгарской литературы потребовало от критиков и литературоведов серьезных исследований. Необходимо было выработать новую точку зрения на развитие литературы социалистического реализма на современном этапе. Исходя из устаревшего во многом догматического толкования принципов социалистического реализма, болгарские ученые и критики вряд ли смогли бы объяснить сущность литературного развития, новые художественные явления, якое и самобытное творчество таких авторов, как П.Вежинов и К.Калчев, А.Гуляшки и Б.Райнов, Й.Радичков и И.Петров, и многих других.

болгарских прозаиков, поэтов, драматургов разных поколений.

Несмотря на вполне естественные трудности, болгарские литературоведы единодушно признали необходимость преодоления узости прежних позиций. Сложность заключалась не столько в борьбе с противниками новых веяний, сколько в умении найти точные ориентиры развития литературы на современном этапе, при четком соблюдении основных требований метода определить своеобразие литературы социалистического реализма в данный исторический период, не допустить неверного толкования социалистического реализма в духе "реализма без берегов".

В 60-70 годы болгарское литературоведение решительно высказалось за творческое понимание метода, что полностью соответствует взглядам классиков марксизма-ленинизма на сущность социалистического искусства. Так, например, В. Колевский защищает тезис о том, что социалистический реализм наследует и развивает не только завоевания критического реализма, но и других художественных методов и направлений, появившихся до него, а также художественные открытия и завоевания других художественных методов и направлений литературы и искусства, которые в той или иной мере способствуют художественному познанию и революционному изменению действительности. К уяснению проблем социалистического реализма обращаются не только критики, но и некоторые писатели. Конечно, не всегда и не по всем сложным вопросам они приходят к единому мнению, далеко не все еще решено, однако они солидарны в главном - в понимании социалистического реализма не как свода правил и предписаний, а как качественно нового творческого метода.

В поисках правильного решения проблем социалистического реализма критики и литературоведы Болгарии учитывают исследования своих

коллег из других социалистических стран, активно участвуют во всех международных совещаниях и научных симпозиумах, посвященных вопросам социалистического реализма. Особенно их привлекают труды советских литературоведов. В Болгарии переводятся и издаются книги советских авторов о социалистическом реализме, на страницах периодических изданий публикуются статьи, а также рецензии на эти книги и статьи.

Концепция социалистического реализма как исторически открытой эстетической системы, наиболее полно обоснованная Д.Марковым, встретила широкую поддержку многих болгарских критиков и литературоведов. Она служит теоретической основой для конкретного анализа современной болгарской литературы в трудах ряда авторов. Эта концепция получила полное признание на встрече-беседе Д.Маркова с видными болгарскими литературными критиками в редакции еженедельника "Литературен фронт"/1977/.

Насущные проблемы, касающиеся генезиса социалистического реализма в болгарской литературе, развития метода на современном этапе и его дальнейших перспектив широко обсуждались на страницах журнала "Пламяк" в 1972-1974 годах. Начало этому обсуждению положила статья Д.Маркова "О формах художественного обобщения в социалистическом реализме". Затем "Пламяк" открыл на своих страницах рубрику "Обсуждаем актуальные проблемы социалистического реализма", в которой было опубликовано свыше 20 статей, в том числе и зарубежных авторов.

Подводя итоги обсуждения, В.Колевский отметил, что все ее участники рассматривают социалистический реализм как основной тон, как вершину историко-литературного процесса в Болгарии и других странах, в развитии мировой художественной мысли.

Вместе с тем обсуждение показало, что многие проблемы социалистического реализма все еще ждут своего разрешения. Основная дискуссия разгорелась по вопросу о содержании и соотношении понятий "социалистический реализм" и "социалистическая литература".

Социалистический реализм — ведущий метод в современной болгарской литературе. Об этом было открыто заявлено на II и III съездах СБП, таково мнение подавляющего большинства болгарских критиков, литературоведов и писателей. В то же время необходимо отметить, что такие видные и утвердившиеся литературоведы, как Зарев, Данчев, Жечев, Петров, Куимджиев и др., не проявляют склонности к более глубоким теоретическим исследованиям в этой области. В последние годы в болгарской критике ослабло внимание к теоретическим проблемам. Одним из немногих исключений за последнее время явилась книга ученого и государственного деятеля Александра Лилова "К природе художественного творчества"/1979/, в которой автор дает серьезное теоретическое и философское обоснование социалистического реализма на современном этапе развития как исторически открытой эстетической системы правдивого изображения жизни.

В области языкознания связи Института славяноведения и балканистики с болгарскими учеными развиваются достаточно успешно. В соответствии с планом научного сотрудничества между Академиями наук СССР и НРБ в этой области был осуществлен ряд совместных работ. Еще в 50 - 60-е годы была проведена совместная работа диалектологов Института и Института болгарского языка БАН по изучению болгарских говоров Юго-Восточной Болгарии, результатом которой был подготовленный под руководством проф. Ст. Стойкова и проф. С. Б. Бернштейна и изданный в Софии в 1964 г. т. I "Болгарского диалектологического атласа". Значительная работа проводится по изучению памятников болгарской письменности, большее число которых хранится в библиотеках СССР. Так издательством БАН были изданы под редакцией члена-корреспондента БАН К. Мирчева два тома исследования д. ф. н. Е. И. Деминой "Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник ХУП в." (т. I, 1968; т. II, 1971). Работа над т. III этого исследования уже завершена, а в Софии теперь ведется работа над т. IV, которые также будут изданы в Софии. Коллективом сотрудников Института под руководством д. ф. н. Е. В. Чешко завершена работа по подготовке к изданию в Софии Норовской псалтыри - важного памятника болгарской письменности XIY в. В Институте был подготовлен и сдан в издательство "Наука" большой сборник "Язык и письменность среднеболгарского периода", составленный из работ сотрудников Института и болгарских лингвистов. Языковеды Института неоднократно выступали с научными докладами на многих конференциях и симпозиумах, организованных болгарской стороной. Ими опубликовано большое число статей в болгарских научных журналах и в сборниках, изданных в Болгарии.

Точки зрения советских и болгарских лингвистов по многим

принципиальным вопросам как общего, так и славянского языкознания совпадают (и это является надежной теоретической базой для успешного сотрудничества и в будущем). В последние годы, однако, отчетливее выявились и некоторые расхождения во взглядах, порождающие и известные сложности в дальнейшей разработке нами некоторых проблем. В отношении болгарского языка это прежде всего следующие вопросы.

Один из них — это вопрос о старославянском и древнеболгарском языке. В советском языкознании, в соответствии с давно утвердившейся в отечественной науке традицией, язык древнейших памятников славянской письменности, восходящих непосредственно к кирилло=мефодиевским переводам, принято называть термином "старославянский язык". Поскольку в основе этого языка лежат диалекты болгарского языка X — XI вв., (так считает большинство крупнейших исследователей прошлого и наших дней), то в славистической литературе его называют также и термином "древнеболгарский язык", который употребляется и в работах советских ученых (акад. Д.С.Лихачев, д.ф.н.Р.М.Цейтлин и др.) как синоним термину "старославянский язык" в указанном выше значении. В работах советских ученых термин "старославянский язык" употребляется и в более широком значении — как обозначение древнего общеславянского литературного языка, функционировавшего у разных славян в местных редакциях (изводах).

Болгарские языковеды с недавнего времени все решительнее возражают против употребления в работах советских авторов термина "старославянский язык" на том основании, что он не раскрывает древнеболгарского характера языка первых памятников славянской письменности. Не учитывая давней традиции употребления этого термина в нашей литературе, они все настойчивее говорят

о том, что единственно правильным и приемлемым является термин "древнеболгарский язык".

В связи с этим нужно отметить, что в последние годы в работах некоторых болгарских авторов все явственнее подчеркивается исключительное значение древнеболгарского языка и древнеболгарской литературы в развитии культуры у других славян. То, что древнеболгарский язык и древнеболгарская литература оказали сильное воздействие, например, на развитие древнерусского литературного языка и древнерусской литературы, общеизвестно (см. и новейшие труды акад. Д.С.Лихачева, чл.-корр. Ф.П.Филина и др.). Однако воздействие это некоторыми болгарскими авторами преувеличивается, его значение едва ли не абсолютизируется, а изучение древнеболгарского языка и древнеболгарской литературы рассматривается как центральная задача современной славянской филологии (акад. Э.Георгиев, проф. Д.Иванова-Мирчева).

Нельзя не отметить, что повод к особенно острым замечаниям относительно термина "старославянский язык" со стороны болгарских ученых дают и утверждения некоторых советских авторов (в том числе и авторов учебных пособий по старославянскому языку, например Т.А.Ивановой) о том, что диалектную основу этого языка составляют македонские говоры, рассматриваемые не как говоры болгарского языка, а в противопоставлении говорам этого языка. Такой взгляд на диалектную основу старославянского языка не отвечает исторической истине и представляет собой ретроспективную проекцию современной языковой ситуации в Болгарии и СР Македонии на далекое прошлое языка в этом регионе. Он подвергается довольно резкой по форме, но справедливой по существу критике болгарских лингвистов (см., например, рецензии проф. Ст.Стоянова и проф. Д.Ивановой-Мирчевой на "Старославянский язык" Т.А.Ивановой).

Ошибочные утверждения, умаляющие вклад болгар в древнюю славянскую культуру, в последнее время проникают даже в популярные издания. Так, писатель Лев Успенский в книге "По закону буквы" (2-е изд. М., "Молодая гвардия", 1979, тираж — 100 000 экз.) заявляет: "Для нас может быть любопытно, но не столь уже существенно, кто первый сказал "э!" при создании славянской азбуки" (с.47). Если же учесть, что в другом месте книги он приводит мнение о создателях славянской азбуки Кирилле и Мефодии как о македонцах (с.34) и пишет о возникновении славянского письма на "Балканском полуострове" (с.45) и о перенесении его на Русь "с Балканского полуострова" (с.44), что кириллицу "создал Кирилл, солунский ученый, просветитель балканского и чехоморавского славянства" (с.47), т.е. не упоминает в таком контексте болгар и Болгарии, то принижение, если не сознательное замалчивание Л.Успенским роли болгар в начальной истории славянского письма станет совсем очевидным. И не случайно его книга в части, касающейся происхождения и развития письма у славян, была подвергнута острой критике в статье доцента Софийского университета Ив.Добрева "В интересах научной истины", опубликованной в школьно-методическом (!) журнале "Български език и литература" (1980, № 2, с.59-63).

Другой вопрос, по которому в настоящее время существуют принципиальные расхождения между советскими и болгарскими учеными, касается современного македонского языка.

В советском языкознании общепринято мнение, что в настоящее время в СР Македонии функционирует самостоятельный македонский язык, который весьма близок в структурном отношении с болгарским и который имеет свою литературную форму. Мнения советских лингвистов, однако, расходятся в вопросе о том, с какого време-

ни начал формироваться литературный македонский язык. Одни считают, что он создается в годы II мировой войны; другие полагают, что опыты нормализации македонского литературного языка предпринимались и в XIX в. еще до возникновения так называемого македонского вопроса.

В последние годы, примерно до второй половины 60-х годов, в болгарской научной и учебной литературе македонский язык тоже рассматривался как самостоятельный язык в ряду других славянских языков. В последние годы, однако, отношение к этому языку в Болгарии резко изменилось, и теперь там считается, что македонского языка как такового нет, а что в СР Македонии функционирует в качестве литературного болгарский язык, представляющий собой здесь ареальный (местный) вариант болгарского литературного языка, и что диалекты, на которых говорит славянское население этой республики, суть диалекты болгарского языка. Эта точка зрения, которая по существу является теперь официальной, подробно изложена в статье Института болгарского языка БАН "Единство болгарского языка в прошлом и в настоящее время", опубликованной в журнале "Български език" (1978, № I, с.3-43). Если раньше (в 50-60-е годы) говоры в СР Македонии болгарскими лингвистами в границы болгарской языковой территории не включались, то теперь (как и до II мировой войны, когда македонского литературного языка еще не было) они рассматриваются как часть юго-западных болгарских говоров. Эта точка зрения изложена, например, в вышедшей в этом году статье "Основное диалектное деление болгарского языка" зам.директора Института болгарского языка БАН, зав.сектором диалектологии этого Института Ив.Кочева (ж."Български език", 1980, № 4, с.295-304).

Изменение точки зрения болгарских ученых на статус македонского языка повлекло за собой и изменение отношения болгар к тем советским славистам, которые писали и продолжают писать о македонском языке, а также осложнения в работе над совместными лингвистическими темами, в которой принимают, наряду с другими, советские и болгарские ученые (например, "Общеславянский лингвистический атлас").

Венгрия

В центре идеологической работы ВСРП постоянно находится работа об укреплении социалистических черт общественного сознания, о расширении влияния марксизма-ленинизма во всех областях общественной, научной и культурной жизни. Оценивая особенности идеологической ситуации, ВСРП, как это видно из документов и XI (март 1975 г.), и XII (март 1980 г.) съездов, исходит из следующего признания того, что для завершения социалистического преобразования общественного сознания потребуется целая эпоха, что "общественное сознание, человеческое мышление развиваются медленнее, чем изменяются условия жизни" ("Непсабадшаг", 25.III.1980). "В последнее время, - говорилось в Отчетном докладе ЦК XI съезда ВСРП, - у нас наблюдался двойственный процесс. Главное направление - укрепление и широкое распространение социалистического общественного сознания, о чем свидетельствуют большие успехи производительного труда... В то же время в обществе имеют место и даже время от времени усиливаются явления, несовместимые с нашими социалистическими принципами и целями, с нашей системой моральных ценностей. Это очень серьезный вопрос, особенно в нынешних условиях, когда с ростом материального благосостояния наряду с важной общественной проблемой "на что жить" все большее значение приобретает проблема "как жить" (XI съезд ВСРП. М., 1975, с. 101).

Столь же реальная, учитывающая как позитивные, так и негативные стороны, оценка положения в идеологии прозвучала и в Отчетном докладе тов. Яноша Кадара XII съезду ВСРП: "Нет причин умалчивать о том, что несмотря на расширение позиций марксизма-ленинизма, несмотря на достигнутую им гегемонию, у нас еще существуют, порой даже усиливаются и оказывают влияние на умы

националистические, космополитические, ревизионистские, ультра-радикальные и другие вредные, враждебные взгляды. Нужно усилить идеологическую борьбу против этих взглядов, чуждых нашим идеям и наносящим ущерб делу народа, нужно решительно разоблачать их как наша партия всегда и поступала" ("Непсабадшаг", 25.Ш.1980)

Принципиальный подход, сочетающий признание достижений с критикой недостатков, отличает оценку XI съездом ВСРП состояния литературы и искусства. "Партия, - отмечалось на этом съезде, - исходит из действительного положения вещей, констатируя, что по политическим вопросам наблюдается отрадное взаимопонимание с деятелями искусства, однако в идейном отношении, в плане мировоззрения, наша литературная и художественная жизнь еще не представляет единого целого. С одной стороны, положение характеризуется ростом влияния идей социализма и в данной области. С другой стороны, новые вопросы, возникающие в ходе строительства социализма в нашей стране, некоторые проблемы международного рабочего движения и внешнеполитической обстановки приводят к потере перспектив некоторыми лицами, группами и слоями, что находит свое отражение в произведениях литературы и искусства. Это проявляется как в выборе темы, так и в ее разработке" (XI съезд ВСРП. М. 1975, с.105). Гарантируя свободу творчества, ВСРП в то же время считает, что "партия и государство рабочего класса вправе дифференцировано подходить к произведениям искусства, в зависимости от их общественной и художественной ценности. Со временем неизбежно меняются формы художественного выражения, однако наши деятели искусства должны понять, что революция происходит прежде всего не в искусстве, а в обществе. Творческие работники должны жить одними устремлениями с народом, художественные произведения

должны говорить с народом и о народе в понятной для него форме отражать жизнь, труд и борьбу венгерского народа, строящего социализм". (там же, с.106).

Двуединый принцип культурной политики партии, сочетающий свободу творчества с требованием приверженности социализму, нашел отражение и в Отчетном докладе ЦК XII съезду ВСРП. Правда в нем не было дано достаточно развернутой и четкой оценки положения дел в литературе и искусстве; обтекаемо сформулированы и задачи, выдвигаемые партией перед деятелями культуры. Это связано очевидно, с тем, что в условиях современного общественного развития ВНР, осложненного во второй половине 70-х годов новыми противоречиями (прежде всего, экономическими трудностями, оказывающими воздействие и на идеологию и культуру), трудно дать однозначную оценку литературе и искусству, находящимся в поисках ответов на новые, нерешенные пока вопросы. Характерно в этом отношении высказывание члена Политбюро ЦК ВСРП, зам. предс. Совета министров Д.Ацела, одного из руководителей культурной политики, в статье "Политика, искусство, творчество" (1978): "Если сегодня еще труднее (по сравнению с 60-ми годами - В.С.) составить однозначный перечень наиболее ценных произведений, то это естественная примета нашего развития: наше искусство формируется в таких условиях, когда в жизни общества возникают все новые вопросы. Что делать, как двигаться дальше, чтобы не нарушить ответственности между возможностями и потребностями общества? Какие нормы должны регулировать жизнь в изменившихся условиях?" Поиск решения новых вопросов и противоречий, по мнению Д.Ацела, - основная задача художников, политиков, ученых. Важным условием при этом является дальнейшее расширение социалистической демократии

сохранение доверия к творческим работникам. "Сегодня, в более напряженной международной обстановке, в усложнившихся экономических условиях, - отмечал он, выступая в декабре 1979 года на сессии ВАН, - необходима еще большая сплоченность всех позитивных сил. Следует расширять и укреплять социалистическую демократию. Вести в масштабах общества плодотворный диалог на всех форумах страны, которые способны оказать воздействие на формирование действительности".

Руководство культурной политики ВСРП, как видно из ряда выступлений Д.Ацела, министра культуры И.Пожгаи и др., учитывает наличие в Венгрии сил, прежде всего левацкого, анархоревизионистского толка, которые злоупотребляя свободой творчества и извращая смысл социалистической демократии, ослабляют политическое единство творческой интеллигенции. Причем, как отмечает Д.Ацел в цитированной выше статье, если двадцать или еще десять лет назад лозунгом ревизионизма в Венгрии был "истинный марксизм", "улучшенный социализм", то "сегодня для основной линии ревизионизма более характерно, что его представители стремятся уже не пересмотру марксизма, а все более открыто отвергают его, выходя за идейные рамки марксизма-ленинизма, в их радикальном реформизме отсутствует программа осуществления социализма, в их позиции на главное место выходит нигилистическое отрицание..." Поборники анархистской "демократии" весьма активно распространяют свои взгляды в среде творческой интеллигенции, среди молодежи. Их выступления - так считает Д.Ацел - не угрожают стабильности общественного строя, однако само их существование - достаточно веский повод для самокритичности: "Мы сознаем, что развитие ставит перед нами сложные для понимания, нерешенные пока вопросы. Если мы будем пр

таться "решать" их пустыми фразами и морализированием, то лишь усилим неуверенность и разочарование. Необходимо еще более учитывать, что быстро меняющееся положение нашего народа, улучшение условий жизни может выносить на поверхность, наряду с прежними, и новые формы мелкобуржуазных взглядов и "идеалов", и если мы не сможем вести уверенный диалог с вопрошающими, жаждущими действия людьми, в особенности с молодежью, ... то будет появляться цинизм даже нигилизм, распространяться анархистское поведение".

О сложности идеологической ситуации, в которой развивается венгерская литература и искусство наших дней, достаточно ясно говорится в статье И. Пожгаи "О союзнической политике партии" (198). Трудности, с какими венгерское общество и его руководство впервые столкнулись за последние двадцать лет, пишет министр культуры ВНР, резко проявили многие недостатки и слабости венгерской экономики, бюрократическую тяжеловесность управления. Это повлекло оживление разного рода антимарксистских концепций. Автор указывает, в частности, на попытки обосновать необходимость руководящей роли интеллигенции или, напротив, на выступления "защитников" рабочего класса, рассматривающих сегодняшнее венгерское государство как "орудие классового господства интеллигенции" (очевидно, имеется в виду вышедшая недавно за рубежом книга социолога Селени и писателя Конрада "Классовая власть интеллигенции"). Находятся также лица, говорящие о бюрократическом вырождении государства, которые, отрицая однопартийную систему, предлагают в качестве панацеи политический плюрализм. Получают распространение и ошибочные позиции по национальному вопросу. Здесь, наряду со справедливыми замечаниями и реальной заботой о судьбах живущих в пределах страны венгров (в первую очередь, венгров Трансильвании

по отношению к которым румынское руководство допускает грубые нарушения ленинских принципов национальной политики - В.С.), пр- являются и взгляды, "наносящие невольный ущерб интересам социалистической нации". В этой обстановке партия придает первостепенное значение выработке правильной идейной ориентации творческой интеллигенции: "Если удастся добиться ясности положения и больших успехов в культурной жизни, в делах интеллигенции, то это может явиться крупным вкладом и в решение проблем других групп, слоев и классов общества".

Более конкретно о политике в области литературы и искусства. Три основных принципами ее, как подтверждает Д.Ацел в программной статье "Политика, искусство, творчество", по-прежнему остаются: 1) максимальная поддержка и свобода для социалистического искусства; 2) терпимость по отношению к художникам, не поднявшимся до социалистического мировоззрения, но не настроенных враждебно к социализму; 3) запрещение вредных антигуманных и антисоциалистических произведений. К терпимым культурная политика относит произведения верующих писателей, художников, руководствующихся отвлеченными гуманистическими идеалами или даже философским пессимизмом, рассматривающим негативные, низменные стороны бытия как вечные и неизменные. Вместе с тем, она предполагает тактически, но принципиальную марксистскую критику произведений такого рода.

Плодотворность этой так наз. открытой культурной политики, вместо жесткого администрирования ведущей терпеливую, но настойчивую полемику с ошибающимися в идейном, политическом или художественном отношении писателями, была доказана многолетним опытом. Однако в последнее время - и это отмечает сам Д.Ацел - она

ведется недостаточно последовательно: "Проявление терпимости не всегда сочетается с необходимой, благожелательной, приближающей к истине марксистской критикой". "Тов.Я.Кадар обратил внимание на апрельском (1978) пленуме ЦК на "ослабление поддержки социалистической направленности и социалистических произведений" читаем мы в той же статье. — В ходе поддержки социалистического искусства нередко проявляется беспомощность и непоследовательность. Поддерживать нельзя изолированно... Если преобладать над произведениями несоциалистической направленности, если не будет даваться необходимая принципиальная критика, то это приведет к вытеснению социалистических ценностей". Между тем, как справедливо констатирует Д.Ацел, в сегодняшней Венгрии "буржуазно настроенные правозащитники буржуазных по воззрениям произведений своими звучными голосами — не гнушаясь даже средствами морального террора — оттесняют подчас на задний план правдивые и высокие художественные социалистические произведения".

+

+

+

Ведущая роль в литературном развитии второй половины 70-х годов принадлежит эпическим жанрам: роману, повести, социографу. Заметно повысилось число книг мемуарно-документального жанра.

Для венгерской прозы последних лет характерен не масштабно обобщающий, а исследовательский, аналитический подход к моральным и этическим конфликтам современности, проблемам образа жизни, подчеркнутое внимание к трудностям и противоречиям развития. При этом подлинно социалистических художников отличает конструктивно-критический, социально ответственный настрой, стремление содействовать осознанию и преодолению внутренних противоречий общества и идущего к созданию развитого социализма. Наиболее характерно э

подход реализуется в "социографии" — жанре прозы, включающем элементы очерка, репортажа, эссе, конкретно-социологического исследования. Именно здесь установился наиболее тесный контакт литературы с современной действительностью. Неизменным успехом пользуются социографические книги серии "Открытие Венгрии", в которой в течение 70-х годов вышло более 20 томов. В последние годы особенно заметными явлениями в этом жанре были книги Д. Молдовы о железнодорожниках ("Обвеянные паровозным дымом", 1977) и текстильщиках ("Священная корова", 1980), в которых средствами художественного репортажа раскрывает целый комплекс остроактуальных, "больных" социальных и экономических вопросов. К этому ряду относятся и документально-публицистические книги Д. Фекете, последняя из которых — "Письма об одиночестве" (1979) — продолжает исследование важных для общества социально-демографических аспектов современной семьи.

В "чисто" художественных жанрах прозы общественно значимая проблематика сводится, как правило, к анализу и критике явлений препятствующих формированию социалистического образа жизни и социалистических общественных отношений: потребительской психологии, духовной ограниченности, стяжательства, карьеризма, антидемократических проявлений в методах руководства. Эта проблематика характерна в основном для малых жанров — повести и новеллы — и разрабатывается в творчестве Э. Галгоци, Д. Чака, Т. Бараня, Ф. Каринти, Г. Мочара, последних произведениях Л. Мештерхази. Характерно, что в произведениях этого типа, по верному замечанию литературоведа Д. Тота, "позитивными являются не столько их герои, сколько образ мысли писателя, не столько непосредственный облик общества и человека, сколько стоящий за ними человеческий и общественный идеал" —

- иными словами, конструктивная, социалистическая направленность социальной критики обеспечивается здесь позитивным авторским присутствием. Плохо, однако, что такой подход абсолютизируется венгерскими писателями (и освящается критикой), что подлинные носители социалистической нравственности появляются в книгах о современности обычно как персонажи второстепенные, подчиненные.

Исключением в этом отношении явился роман Ш.Ласло-Бенчика ("Тесные узы", 1979) о бригаде рабочих (тема довольно редкая в венгерской прозе 70-х годов), утверждающий позитивные нравственные ценности, подлинно социалистическое отношение к труду, не идеализируя и не упрощая при этом облик современного рабочего.

Заметным явлением в прозе последних лет были книги исторического жанра. Здесь нужно выделить талантливую книгу Магды Сабо "Старомодная история" (1977) - основанную на документах семейную хронику времен конца прошлого - начала нынешнего столетия, а также роман старейшины венгерской литературы Дюлы Ийеша "Рыцари Беатриче" (1979). Последняя книга представляет собой глубокое по философскому содержанию осмысление трагического периода венгерской истории, последовавшего после падения Венгерской советской республики 1919 года.

В 1979 году вышел также крупный роман Т.Череша "Похотливы фигуры", исследующий, в частности, причины обреченности попыток прогрессивно настроенной части венгерской армии организовать антифашистское сопротивление во время второй мировой войны.

Необходимо отметить и обострившийся за последние годы интерес венгерских прозаиков к периоду культа личности. Наиболее

показательны в этом отношении романы И.Добози "Без власти" (1979) и И.Галла "Хозяин табуна" (1976). Действие первого относится к 1946 году, и его герой — коммунист, бесстрашно отстаивающий чистоту идеи и справедливость, сталкивается с сектантско-догматическими извращениями в политике компартии, так сказать, еще в их зачатке. В "Хозяине табуна" показаны бесчеловечная атмосфера и нарушения социалистической законности, характеризовавшие общественно-политическую жизнь Венгрии в 1949-51 годах. Встречается в этой теме и тенденция к мифизации этого периода, как, например, в книге молодого писателя П.Надаша "Конец семейного романа" (1977). Крайне субъективное освещение 50-е годы получили в романе Д.Коврада "Основатель города" (1977), книге явно антисоциалистическую несущей на себе отпечаток буржуазно-анархистских взглядов. Крупным упущением венгерской марксистской критики является то, что этот роман не получил в ней четкой и однозначной оценки. Таким же упущением является, как нам кажется, и отсутствие достойной критики венгерского "нового романа", представленного многочисленными книгами Д.Тандори, книгой М.Месея "Фильм" (1976) и некоторыми другими.

Значительное место в венгерской литературе (как в прозе, так и особенно в поэзии) занимает так называемая "онтологическая" проблематика — общие проблемы бытия — темы старости, болезни, смерти. Проблемы эти получают в литературе как рационально-гуманистическую (повесть "Выставка роз" И.Эркена, 1977; лирика Д.Ийеша), так и пессимистическую, абстрактно-метафизическую интерпретацию (поэзия А.Немеш-Надь, Я.Пилински).

+

+

+

Характерной особенностью дискуссий, активно ведущихся в

последние годы в литературной печати является, пожалуй, их "вне-литературность": мнения писателей и критиков сталкиваются чаще всего не по поводу литературных проблем, а в обсуждениях вопросов социальной, экономической, духовной жизни. Темами горячих дискуссий в 1976-80 гг. являлись, например, реформа школьного образования, проблемы социалистической демократии, изучения марксизма в высшей школе, вопросы эффективности использования научного и духовного потенциала страны.

В отсутствии открытого столкновения мнений о спорных - и потому заслуживающих обсуждения - явлениях современной литературы во многом повинна склонная к чрезмерной осторожности и толерантности критика.

Это не означает, что в литературоведении нет попыток глубокого аналитического осмысления современного литературного процесса. Таким подходом выделяются, например, статьи М. Саболчи. Заслуживают внимания некоторые его высказывания из статьи "Венгерская литература, критика, действительность 70-х годов", (1978). Мироощущение сегодняшней венгерской литературы характеризует следующим образом: "Мы живем в условиях здорового в своей основе, доброкачественного, отрадного процесса, который, однако, постоянно порождает новые противоречия, новые вопросы. Средний венгерский интеллигент с удовлетворением смотрит сегодня на успехи страны - и в то же время переполнен проблемами и вопросами, на которые ждет ответа. Вот это-то двойственное ощущение: удовлетворение, гордость за то, что достигнуто, и в то же время вопрос: "что из этого получится и как будет дальше?" - проходит почти через всю нашу литературу. Общеизвестны возникающие новые противоречия; часть их, пожалуй, представляет собой **антиномии**, то есть проявляется в форме почти неразрешимых противоречий. Одна из главных

наших проблем, влияющих и на литературу, и на общественное самочувствие, заключается как раз в том, что в идеологическом, культурном и политическом сознании плохо известны возможности разрешения этих противоречий, недостаточно ясны представления о том, как их разрешить". Главное из этих противоречий — наряду с проблемами научно-технической революции, управления, социалистической демократии — М.Саболчи видит в том, что процесс резкого повышения жизненного уровня "пока еще не удалось охватить такой системой целей, ценностей и норм, которая в перспективе предваряет модель социалистического образа жизни... Отсюда возникает немало досадных проблем: недобросовестное отношение к труду, мелкобуржуазное потребительство, система престижа в обладании благами и т.д."

Отмечая момент преемственности в литературе 70-х годов, М.Саболчи в то же время указывает и на некоторую растерянность писателей перед новыми явлениями действительности: "В венгерской литературе, как я вижу, продолжается мощное течение венгерской социалистической реалистической литературы 60-х годов, но продолжается в новой обстановке, в условиях новых противоречий, часто сталкиваясь с новыми проблемами. Таким образом, имеет место, с одной стороны, изображение новых и новых областей, появление новых чувств и типов поведения, а с другой стороны, если и не отступление, то во всяком случае, известная растерянность, даже порой стремление покрасоваться в позе утраты перспективы, безверия". "Если, — заключает М.Саболчи, — чего-то еще не хватает (или имеется в недостаточной степени) нашей социалистической реалистической литературе, исследующей действительность, остро критически подходящей к ней, — то именно таких произведений, которые пытались бы уловить... крайне сложное движение венгерского общества не в поверхностных явлениях, а в запутанных

семейных, социальных и классовых отношениях, притом с тенденцией к синтезу. Экзотика и обыденность преобразований показаны у отдельных писателей в обширной шкале между трагедией и неонатурализмом – почти уже на уровне человеконенавистничества. Отсутствует нарисованный без героизации и ненависти "человек сегодняшнего дня".

В области теории новым вкладом в разработку проблем социального искусства явился коллективный документ венгерских исследователей "Партийность, народность и реализм – в отражении отечественной марксистской эстетики" (в сокращенном виде опубликован в теоретическом журнале ВСРП "Таршадальми семле", № 3, 198). Подробное освещение в нем нашла, в частности, критическая функция литературы, рассматриваемая как органически присущая искусству социалистического реализма и играющая в нем даже более важную роль, нежели в "критическом" реализме, "Последний, вследствие ограниченности буржуазного мировоззрения, – пишут авторы документа, – не всегда приводит к осознанию реальных альтернатив общественного развития, не способен достаточно чутко и точно отличать отмирающие тенденции от направленных в будущее. Социалистический реализм же, характерной особенностью которого является сознание перспективы и масштаба всемирно-исторического развития – должен соотносить картину настоящего с будущим, из чего... следует, в частности, не только необходимость сохранения им критической остроты буржуазного реализма, изображение реально существующих при социализме конфликтов (нередко суровых, исполненных трагизма и потому требующих соответствующего художественного воложения), но – в свете осознанной перспективы – еще более беспощадного, безжалостного разоблачения препятствующих развитию явл

ний" (с.93). "Критический характер, таким образом, - отмечает-ся в другом месте документа, - ... не просто дозволенная социалистическому реализму наших дней возможность, а один из его важнейших признаков, вытекающих из его классового характера и партийности" (с.99).

В документе опровергается жесткое противопоставление реализма и нереалистических течений: "Между реализмом и нереалистическими тенденциями существует не только взаимоисключение, но и взаимовлияние. Реалистическое искусство должно адаптировать возникшие на нереалистической основе художественные ценности - для того, чтобы обновляться" (с.92). В то же время, "реалистическое искусство постоянно влияет, в первую очередь своими идеями, на современные буржуазно-гуманистические направления как в Венгрии, так и вообще в мире" (там же).

Этот документ, а также многие другие публикации последних лет (например, изданные в 1979 году книги "Реализм в литературе и "Реализм в изобразительном искусстве") - свидетельства окончательного восстановления "репутации" в Венгрии основных категорий марксистской эстетики. Отметим, однако, что в ходе конкретной их разработки встречаются и случаи их немарксистской интерпретации. Например, утверждение эстетического плюрализма как основы социалистического искусства (в статье А.Силади "Венгерская поэзия 70-х годов" в упомянутой книге "Реализм в литературе"). "Эстетический плюрализм, - пишет А.Силади, - означает не просто многообразие форм. Он означает не только то, что каждый художник по-своему решает свою задачу, по-своему подходит к действительности. "Той же самой" действительности даже при социализме может соответствовать бесчисленное количество социальных точек

зрения, типов культурной позиции, ценностных взглядов и идеологий - в соответствии с социальным членением общества, различными этапами развития и альтернативными ситуациями" (с.58-59).

Из приведенной цитаты достаточно очевидно, что эстетический плюрализм понимается молодым венгерским теоретиком как плюрализм мировоззренческий, а социалистическая литература - как вместительница всех возможных в социалистическом обществе литературных течений, независимо от их идейной направленности. Удивляет, что в венгерской критике эта и другие статьи А.Силади не вызывают практически никаких откликов (не было их и в рецензиях на книгу "Реализм в литературе").

П о л ь ш а

Политика ПОРП в области культуры и литературы, как об этом говорят партийные документы, основана на общих положениях марксистско=ленинской теории культуры и направлена к тому, чтобы культура и литература служили делу социалистического строительства. В 70=е годы, в документах УІ, УІІ, УІІІ съездов ПОРП подчеркивалось, что партия придает огромное значение развитию культуры, выдвигает перед художниками задачу постоянного обогащения социалистического, патриотического и гуманистического содержания польской культуры, заботы о высоком идейном и художественном уровне творчества, соответствующего целям социализма и лучшим традициям польской литературы и искусства. В первую очередь подчеркивалась задача воспитания трудящихся "в духе социалистического патриотизма и гуманизма". Вместе с тем в исторической и культурной публицистике, в том числе партийной, "социалистический патриотизм" трактовался нередко с националистическими оттенками.

Политика ПОРП в области культуры имеет и некоторые специфические особенности. Настойчиво подчеркивается, например, принцип невмешательства партийных и административных органов в творческую лабораторию художников, принцип свободы творческих поисков, понимаемый чрезвычайно широко. Допускается публикация произведений формально=экспериментаторского характера, печатаются вещи не только спорные или "нейтральные" по своему идеологическому звучанию, но и откровенно далекие от марксистской идеологии (в том числе книги католических авторов).

Появляется и немало низкопробных произведений так называемой "массовой культуры", отвечающих весьма непритязательным вкусам. Довольно широк культурный обмен с западными странами,

причем допускается и включение в него ряда явлений, которые у нас расцениваются как неприемлемые (хотя нельзя сказать об односторонней "прозападной" ориентации польского культурного обмена — советская литература в Польше переводится достаточно широко и находит читательский спрос). Лозунг социалистического реализма в художественной жизни Польши руководством ПОРП в 70-е годы не выдвигался (хотя среди литературоведов и критиков есть сторонники нового понимания этого метода — об этом еще пойдет речь).

В целом можно сказать, что в современной культурной жизни в Польше допускаются такого рода явления, которые не только не отвечают целям культурной политики партии, как она изложена в партийных документах, но и в той или иной мере находятся в противоречии с ней. Трудно оценить, насколько эта ситуация в области культуры объясняется сознательными уступками настроениям определенных кругов творческой интеллигенции, читателей и зрителей, уступками, предпринятыми в интересах стабилизации политической обстановки, или ошибками, допускаемыми инстанциями и лицами, отвечающими за проведение культурной политики в жизнь, или же результатом давления со стороны интеллигентских кругов, стремящихся вывести литературу и искусство из-под всякого партийного руководства и контроля. Ведь даже довольно широкие рамки, предоставленные культурной политикой ПОРП для творческой деятельности, не устраивают часть творческой интеллигенции, оппозиционно настроенной по отношению к партии и социалистическому государству, требующей абсолютной свободы творчества и отмены цензуры.

Группа литераторов (и среди них известные писатели Ежи Анджеевский, Казимеж Брандыс, Тадеуш Конвицкий, Виктор Воро-

шилский, литературоведы и критики Ян Юзеф Липский, Томаш Бурек, Станислав Варанчак и др.) активно участвуют в деятельности так называемого "Комитета в защиту рабочих" (ныне "Комитет общественной самозащиты" - "КОР") - организации, объединяющей польских диссидентов. Они поддерживают напряженность в отношениях между партийно=государственными органами и литературными кругами, всячески проявляя недовольство культурной политикой ПОРП, которое прорывалось в 70=е годы с закрытых заседаний Союза польских писателей, в выступлениях на страницах западной печати, в различного рода письмах, манифестах, петициях, которые охотно пропагандируются западными средствами массовой информации, в публикациях публицистических и художественных произведений в нелегальных "самиздатовских" изданиях, широко распространенных в стране. Таких изданий в последние годы выходит множество. Наряду с политическими нелегальными периодическими изданиями с 1977 г. регулярно появляются литературные журналы "Запись" и "Пульс" (тиражи по 2 тыс. экземпляров). Активную деятельность развернуло подпольное издательство "Нова", выпустившее более 100 публицистических, исторических, эссеистских, прозаических и стихотворных книг (тиражом по 1000-4000 экз) антисоциалистического и антисоветского содержания (в том числе, например, романы Е.Анджеевского "Месиво", Т.Конвицкого "Комплекс польский" и "Малый апокалипсис", эссе К.Брандыса "Недействительность", стихи В.Ворошильского, перевод с русского книги В.Ерофеева "Москва - Петушки" и др.).

Стало совершенно очевидным, что абстрактный лозунг "свободы творчества", с которым поначалу выступали писатели=оппозиционеры, получил теперь вполне определенную антисоциалистическую политическую направленность. К этому следует добавить, что, на

наш взгляд, со стороны партии и государства не было предпринято достаточно решительных мер по пресечению деятельности "КОР" и его нелегальных изданий или хотя бы открытой полемики со взглядами представителей этого движения в области культуры.

Ситуация на литературно=культурном фронте значительно обострилась за последние полгода в результате общественно=политического кризиса в стране. Многие скрытые ранее оппозиционные тенденции стали теперь явными, многие авторы, публиковавшиеся ранее в нелегальных изданиях и на Западе, получили доступ к официальным органам печати. Не только они, но и многие другие, в том числе партийные литераторы, открыто провозглашают требования пересмотра культурной политики партии в сторону практически неограниченного расширения "свободы творчества", свободы высказывания любых суждений и мнений, расширения и закрепления "плюрализма" идейно=художественной жизни.

Уже 9 сентября 1980 г. Главное правление Союза польских писателей опубликовало заявление, в котором, поддерживая выступления рабочих Гданьска и Щецина, требовало изменений в культурной политике, в том числе отказа от "перечеркивания в конъюнктурных интересах целых страниц нашей истории либо ее тенденциозной и поверхностной интерпретации", отказа от "инструментального подхода к культуре" и постулировало, в частности, свободу информации, мнений и оценок, "возвращение к участию в публичной жизни, в соответствии с положениями конституции, тех производителей и тех писателей, которые были из нее исключены; польская литература является неразрывным целым независимо от мировоззрения, убеждений и места жительства ее создателей" (имеются в виду писатели=диссиденты и писатели=эмигранты) — "Жыче Литерацке", 1980, № 38.

Для характеристики резкого изменения атмосферы литературной жизни в стране показательны дискуссия и выбор руководящих органов Союза польских писателей на XXI Съезде польских писателей, прошедшем 28-29 декабря 1980 г. Писатели - члены ПОРП потерпели на съезде поражение (и даже до съезда - делегатами на него было избрано незначительное число партийных писателей). Председателем Союза стал писатель католической ориентации Ян Юзеф Щепаньский, в правление Союза вошли многие писатели, известные своими оппозиционными по отношению к партии и ревизионистскими взглядами или настроениями (Анджей Браун, Марек Новакowski, Анджей Кийовский, Лех Бондковский, Томаш Бурек, Стефан Киселевский, Казимеж Орлось, Яцек Возняковский, Анджей Щиперский и др.).

На съезде выступил министр культуры ПНР Юзеф Тейхма, который в частности, подчеркнул общую ответственность писателей и партии за успешное для Польши решение насущных проблем, противопоставил распространенному взгляду на союз Польши с СССР как на некую "фатальную неизбежность" понимание этого союза как огромного исторического шанса для успешного развития независимой социалистической Польши. Тейхма отметил также, что в культурной политике "сохраняются широкие границы творческой свободы... Следует лишь заметить, что не будет свободы для крайне нигилистических и негативных тенденций в трактовке основных ценностей и интересов Народной Польши". ("Культура", 1981, № 2).

Как можно судить, однако, по некоторым опубликованным выступлениям писателей на съезде, ответственности писателей за успешное решение возникших сложных проблем общественного развития продемонстрировано не было. С горечью говорил о недостойной "игре за исключение членов партии из руководящих звеньев

Союза" один из немногих партийных делегатов съезда член ЦК ПОРП Анджей Василевский. "В практике последних месяцев, — отметил он, — высказывание партийными писателями на форумах Союза своих суждений и взглядов вызывают лавину обвинений в покушении на автономию Союза. Для упрощения дела высказывания членов партии рассматривались не как выражение их индивидуальных соображений, а как проявление организованного давления политической группы. Если так смотреть на вещи, то надо сказать, что члены партии отличались от многих других только тем, что они образуют явную и формальную группу, в то время как давление неформальных политических групп было во много раз более сильным и именно оно явилось причиной развития политических конфликтов внутри Союза". ("Трибуна Люду", 8.I.1981).

В выступлениях других делегатов съезда, в его резолюции всячески подчеркивались и раздувались ошибки в культурной политике 70-х гг., выдвигался тезис об извечной непримиримости политики и культуры, требование резкого ограничения цензуры и признания заслуг перед польской культурой писателей, ушедших в подполье, а также писателей-эмигрантов (лауреата Нобелевской премии 1980г. Чеслава Милоша, бежавшего на Запад в 1951 г., Витольда Гомбровича и других). Примечательна речь нынешнего председателя Союза писателей Я.Ю.Щепаньского, отразившая возобладавшие на съезде настроения. "Интересы культуры и интересы политики, — заявил Щепаньский, — никогда не совпадают и совпасть не могут". Щепаньский считает, что "причины взаимных столкновений, опасений и недоверия (между писателями) возникают не внутри нашей среды, а проистекали и проистекают всегда извне, от людей, пытающихся использовать эту среду, использовать даже польскую литературу для целей плохо понимаемой ими культурной политики".

Говоря о нелегально издаваемых в 70-е годы произведениях, Щепаньский заявил, : "Многие начинания, заклеенные некоторыми как бунтарские, найдут свое по праву принадлежащее им место в главном течении польской культуры, окажутся на страницах ее истории как достойный пример стремления к сохранению ее суверенности". И, наконец, о цензуре: "Даже самый совершенный закон о цензуре не будет в состоянии нас удовлетворить, поскольку сам принцип цензуры противоречит нашим интересам. Однако мы не живем на луне и хорошо знаем, что существуют ограничения, которые мы должны принять к сведению. Это, конечно, не означает, что мы откажемся от права применять постоянное давление для расширения границ нашей свободы и для предупреждения таких интерпретаций буквы закона, которые могли бы свети на нет наши возможные завоевания" ("Политыка", 1981, № 2).

В резолюции съезда выдвинуты и многие другие требования, направленные, например, на ревизию существующих оценок польской истории, достижений культуры народной Польши, творчества некоторых современных писателей и т.д. В решении съезда, в частности, говорится о том, что писатели особо важное значение придают необходимости основательного анализа ключевых событий новейшей истории Польши, начиная со II мировой войны и включая события октября 1956 г. и марта 1968 г. "История, изложенная в учебниках, во многих случаях деформирована односторонними и конъюнктурными интерпретациями, которые делают невозможным, особенно для молодого поколения, понимание судеб нашей страны". Это касается, по мнению многих писателей, и истории польского рабочего движения в XX веке. Признано также необходимым "во имя единства польской культуры сделать доступными для общества произведения польских писателей, живущих за границей, а так-

же произведения, не возобновлявшиеся по разным причинам". ("Культура", 1981, № 2).

Нажим на польское руководство по поводу отмены цензурных ограничений в последнее время еще более усилился. Творческие союзы (объединение польских журналистов, союз писателей и др.) предложили свой проект закона о цензуре, резко отличающийся от проекта Министерства юстиции ПНР и настоятельно требуют его принятия Сеймом). С заявлениями по этому вопросу выступили в последнее время польские журналисты и писатели (открытое письмо Совета объединения польских журналистов от 30.1.1981, обращение Краковского отделения Союза польских писателей - "Трибуна Люду", 2.П.1981, выступления руководителей Союза писателей на пресс-конференции 3.П.1981 и др.).

К хору голосов, отмечающих лишь ошибки и недостатки в культурной жизни Польши, присоединился Е. Анджеевский в своих еженедельных заметках, публикуемых в еженедельнике "Литература": "Никто еще не сосчитал потери, которые польская культура понесла вследствие многолетней культурной политики и дискриминации тех писателей, которые тем или иным образом протестовали против обязательных норм. Я думаю, впрочем, что здесь невозможен точный подсчет, поскольку в графу убытков следовало бы вписать не только те книги, которые годами не издавались, но и те, которые остались ненаписанными. Этот процесс искажения истинной, полной картины современной польской литературы, начатый на бесславной памяти Съезде польских писателей в Щецине в январе 1949 года, имел на протяжении лет разные варианты и перемены - то размножались запреты и постулаты, выделяя при этом особо сильнодействующий яд, то наступали периоды облегчения - к сожалению, кратковременные". Анджеевский не только выступил с критикой всей

культурной политики ПОРП за последние тридцать с лишним лет, но и потребовал расчета: "Когда же, — пишет он, — будут извлечены из тени и названы по именам и фамилиям преступники в сфере культуры". ("Литература", 1981, № 3).

На страницах общественно-литературных изданий, судя по тем отдельным номерам, с которыми — случайно — удается познакомиться (ввиду непонятого прекращения доставки польской печати даже для служебного пользования), в последнее время начали активно печататься фрагменты прозы, эссе, стихи писателей-диссидентов. Так, например, в "Политике" (1980, № 49) опубликован отрывок из книги В.Ворошильского "Литература" (автор указывает, что в 1977 г. фрагменты книги были опубликованы в "неофициальном издании", а книга в целом передана для издания во Франции), в "Политике" (1980, № 44) опубликован фрагмент эссе К.Брандыса "Недействительность" (ранее книга вышла в нелегальном издании), в "Литературе" (1981, № 2) — отрывок из романа К.Орлося (издан целиком во Франции) и т.д.

Присуждение Нобелевской премии Ч.Милошу вызвало в Польше не только взрыв энтузиазма и нездоровый подъем национального чувства, но и повышенный интерес к эмигрантской литературе. Статьями о Милоше, интервью с ним, другими материалами о его жизни и творчестве полна вся польская печать. В еженедельнике "Керунки" (издает "Пакс") появилась статья о поэзии другого поэта-эмигранта — Ю.Лободовского, в журнале "Месенчик Литерацки" (1980, № 10—11) опубликована статья "Стратегия эмигрантов", объясняющая и оправдывающая позицию поэтов Я.Лехоня, К.Вежиньского, Ю.Виттлины, не вернувшихся в Польшу после II мировой войны.

Причины очередного идеологического кризиса в польской литературной жизни глубоки и неоднозначны. Не претендуя на полноту

и глубину анализа, отметим некоторые из них. Разумеется, этот кризис непосредственно связан с общественно=политическими и экономическими просчетами руководства партии, о которых многое сказано в материалах УІ и УІІ (1980) пленумов ЦК ПОРП, в выступлениях руководителей ПОРП и польского правительства. Следует сказать и о серьезных ошибках, допущенных прежним руководством ПОРП в области культурной политики, о недооценке им идеологическо=воспитательной работы и роли культуры в жизни общества^I, поощрении мелкобуржуазных эстетических вкусов (особенно и прежде всего в телевидении), назойливой "пропаганде успехов", в которой не было места для вскрытия отрицательных моментов в развитии общества. Руководство, с одной стороны, пренебрежительно относилось к интересам литературной общественности и потребителей художественной культуры, о чем неоднократно сигнализировало партийное ядро Союза польских писателей (в 1979 г. были, например подготовлены оставленные без внимания "Рапорт о ситуации на книжном рынке", меморандум о состоянии и потребностях культуры, обращавшие внимание на тревожное положение дел в области культуры и литературы). С другой стороны, было явное попустительство антипартийной и антисоциалистической оппозиции в кругах художественной интеллигенции (и шире). "При возрастающей роли аппарата, репрессий и цензуры у Герека была одна примечательная чер-

---

^I Ю.Тейхма отметил, например, что бюджет Министерства культуры в 1980 г. составлял всего 0,44 % национального дохода. В 1981 г. расходы на культуры должны возрасти до 0,6 - 0,9 нац. дохода, к 1985 г. - до 1,5 %. а в дальнейшем до 2 %, что является необходимым условием полноценного развития культуры.

"Трыбуна Люду", 28.XI.

та: он не только определенным образом терпел оппозицию, но допускал забастовочное движение веря, что его удастся подкупить", — говорил Т. Древновский на XXI съезде польских писателей ("Политика", 1981, № 2). При всей неточности выражения мысли в этом суждении можно видеть, на наш взгляд, один из истоков нынешнего кризисного состояния, в том числе в области культуры — отсутствие четких марксистско-ленинских ориентиров в культурной политике и неуклонного претворения их в жизнь, непоследовательность и колебания в выборе путей и форм культурной политики.

Отметим и ряд "долговременных" факторов, сыгравших неблагоприятную роль в формировании идеологического сознания части польской творческой интеллигенции и, по-видимому, недостаточно учитывавшихся руководством партии при выработке культурной политики:

1. Неоднородная социальная структура польского общества, основанная на существовании различных укладов в экономике (частный сектор в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, обслуживании), создающая базу для буржуазно-собственнической психологии, благоприятствующая чуждым идеологическим влияниям, обуславливающая разнородность культурных уровней и культурных запросов со стороны масс, а также отсутствие мировоззренческого единства, которое охватывало бы всю нацию в целом.

2. Связанное с этим, но обусловленное также и исторически, наличие в стране огромного числа верующих католиков, находящихся под влиянием враждебного социализму польского клера. Влияние это особенно возросло после избрания папой римским польского кардинала Войтылы¹.

¹ На сценах польских театров в последнее время поставлены пьесы Войтылы "Брат нашего Бога" (в одном из ведущих театров страны — им. Словацкого в Кракове), "Перед ювелирным магазином", вызвавшие восторженные рецензии в печати.

3. Низкий, по сравнению с более развитыми европейскими странами, культурный уровень масс (большой процент неграмотности и т.д.), с которым имела дело польская народная власть, приступая к строительству социализма (сказанное относится не только к крестьянству, но и в значительной степени и рабочему классу, в процессе индустриализации вобравшему в себя значительное количество вчерашних крестьян). Это, безусловно, снижает влияние трудящихся масс на процесс создания культурных ценностей и не способствует ликвидации исторически сложившегося разрыва между общедоступными культурными ценностями, и ценностями, создающимися "для немногих", запросами потребителя и стремлениями известной части творческой интеллигенции, разрыва, унаследованного от прошлого в виде наличия массовой "облегченной" культуры и развитой, но камерной интеллигентской "элитарной" культуры. Ликвидация такого разрыва и создание единой социалистической культуры должна была быть целью культурной политики, однако на практике дифференциация культуры поощрялась и закреплялась, для широких масс создавались примитивные произведения, популяризовавшие к тому же потребительский образ жизни.

4. Некоторые специфические традиции и навыки польской интеллигенции, среди которой всегда были распространены индивидуалистические настроения, превалировало в течение долгого времени идеалистическое мировоззрение (при этом нередко с примесью националистического мистицизма и религиозности). В условиях отсутствия национального государства польская интеллигенция привыкла смотреть на себя как на единственного хранителя "национального начала", как на единственного выразителя интересов народа, приобрела стойкую привычку недоверия ко всякому аппарату власти, неприязнь к какой-либо дисциплине, нежелания подчи-

нять частный интерес общему. К этому присоединяется объяснимая в свете польской истории обостренность патриотических чувств, своеобразная "национальная обидчивость", а в ряде случаев прямо националистические настроения, с которыми, как уже отмечалось, не велось сколько-нибудь серьезной борьбы (а иногда они и прямо поощрялись). Сильными оказались и традиции межвоенного буржуазного двадцатилетия независимой Польши, когда интеллигенция отводила себе надклассовую роль аполитичных защитников вечных культурных ценностей (разумеется, ни тогда, ни тем более в народной Польше интеллигенция не была однородной, но мы говорим о значительной тенденции в ее среде).

5. Некоторые особенности облика, состава и послевоенных судеб творческой интеллигенции в Польше. Отряд марксистских художников, публицистов, критиков, идеологов, получивших идейную закалку еще в революционной борьбе межвоенных лет, понес значительные потери как в годы войны и оккупации Польши, так и в послевоенные годы. (В начале 60-х гг. ушли из жизни, например, такие выдающиеся мастера социалистической литературы, как Броневский и Кручковский). Школа, которую прошла значительная часть современной творческой интеллигенции (ныне среднего и старшего поколений, определяющих облик современной культуры) было подполье Армии Крайовой, которое в первую очередь именно из интеллигентской молодежи вербовало своих сторонников.

Период интенсивного марксистского перевоспитания творческой интеллигенции был в послевоенной Польше достаточно кратковременным и не обошелся без вульгаризаторских и административных извращений ленинской линии в вопросах культуры. Усвоение марксизма=ленинизма значительной частью творческой интеллигенции оказалось весьма поверхностным, часто внешним и формальным.

Позднее процесс приобщения к марксизму нового поколения творческой интеллигенции, вступившего в культурную жизнь во второй половине 50-х годов был при всем наличии благоприятных условий для развития творческой марксистской мысли извращен волной ревизионизма и буржуазного либерализма, поднявшейся в интеллигентских кругах, начиная с 1956 года.

6. Исключительно невыгодные условия, в которых в качестве программы развития польской литературы и искусства была выдвинута программа социалистического реализма. Социалистический реализм в начале 50-х годов преподносился польской творческой интеллигенции в значительной степени в упрощенно-догматической интерпретации и не был ею глубоко и органично усвоен. Издержки борьбы за социалистический реализм, ошибки, допущенные в то время (администрирование, снижение требований к мастерству художника, вульгарное понимание злободневности и типичности) заслонили в глазах очень многих польских деятелей культуры подлинное содержание этого передового творческого метода, значение партийности для художественного творчества и те положительные результаты, которые были достигнуты в польской литературе и искусстве в 1949-1955 гг. и позднее социалистическими художниками.

7. Наличие традиционных культурных связей между Польшей и западноевропейскими странами, идущих от давних времен, укрепившихся в период разделов и патриотической эмиграции, а также унаследованная от прошлого односторонне-западная культурная ориентация некоторой части польской интеллигенции.

Восстановление после 1956 года этих связей в самом широком масштабе принесло, конечно, немалую пользу для развития науки и культуры. Но за открывшиеся в связи с этим возможности не

могла не ухватиться и западная антикоммунистическая пропаганда. Считая, по=видимому, Польшу одним из слабых звеньев в социалистическом лагере и уделяя особое внимание польской творческой интеллигенции, пропаганда эта, проводимая множеством центров и институтов, использует самые разнообразные идеологические информационные средства (печать, радио, научные и культурные связи, туризм и т.д.), стремясь оказать свое давление на сознание польских граждан.

Разумеется, мы назвали далеко не все факторы, с которыми должна считаться польская культурная политика. (Не останавливались мы и на бесспорных и значительных достижениях этой политики и культуры народной Польши вообще). Но и из сказанного ясно, какая огромная работа предстоит новому руководству ПОРП и всей партии в борьбе за творческую интеллигенцию; первоочередными задачами в этой борьбе могут быть укрепление партийного руководства общественно=культурной печатью, активизация марксистской литературно=художественной критики, публичное разоблачение таких действий и выступлений, которые имеют откровенно антисоциалистический характер и наносят прямой ущерб государственным интересам Польши.

Говоря о нынешнем состоянии польской художественной литературы, можно отметить в ней наличие множества ориентаций, стремлений, оттенков и творческих индивидуальностей. Достаточно очевидно, что, выдержав в конце 50=х — начале 60=х годов и позднее атаки ниспровергателей реализма, натиск модернистской моды, сохранилось и упрочилось направление реалистической, повествовательной социально=бытовой и психологической прозы. Именно в достижениях этого направления, связанных главным образом не с новыми писательскими именами, а с новыми произведениями уже

известных писателей, проявилась ведущая, на мой взгляд, тенденция литературного процесса 70-х годов, объединяющая многие проблемно-тематические и жанрово-стилевые искания польских писателей. Ее можно определить, как художественный анализ формирования социалистических идейных убеждений и морали, анализ "польских дорог" к социализму, путей формирования нового единства нации, поиски истоков и корней современной общественной жизни. Эти поиски связаны и с осмыслением корней собственного творчества, с подведением некоторых итогов в прозе писателей старшего и среднего поколений. При этом следует подчеркнуть широкий диапазон разнообразных художественных решений реалистического в своей основе творчества разных писателей — использование документа и стилизация под документ, ограничение фабулы в пользу интеллектуальных конструкций, лирико-философских размышлений и публицистических высказываний, обращение к притче, параболе, символу, фольклору и т.д.

Характерным примером воплощения отмеченной тенденции могут быть произведения 70-х годов Я.Ивашкевича (скончавшегося в марте 1980 г.), а также многих других писателей. В центре большинства наиболее приметных прозаических произведений 70-х годов — события военных лет, которые все чаще становятся частью более масштабного художественного исследования современной истории Польши (романы Е.Брошкевича, Е.Путраменты, Т.Голуя, Е.С.Ставиньского, Т.Новака, Х.Аудерской, Я.Лысаковского, Е.Гжимковского и др.). К глубоким философским обобщениям исторического процесса, к изображению актуальных социальных и этических конфликтов, к исследованию нравственных принципов современного человека, формированию социалистической морали стремятся и лучшие произведения так называемой деревенской прозы 70-х гг. — романы Ю.Ка-

вальца, Э.Редлинского, Т.Новака, Я.М.Гизгеса, З.Тшишки и др.

Внимание критики и читателей в 70-е годы заслуженно привлекли исторические произведения Т.Парницкого, А.Кусьневича, Т.Голуя, В.Терлецкого, В.Залевского. Весьма интенсивно развивались художественно=документальные жанры, пользующиеся огромной читательской популярностью (художественный очерк и репортаж, эссе, дневники, мемуары). Эта, так называемая литература факта в значительной мере выручает беллетристику в рассказе о современной жизни Польши, ибо одно из наиболее уязвимых мест сегодняшней польской прозы — это отсутствие полнокровных книг о современности (за исключением отдельных произведений деревенской прозы и все еще робких попыток авторов так называемых "производственных" произведений).

В это же время в литературе продолжают существовать и формально=экспериментаторские тенденции, часто носящие самодовлеющий характер. Особенно это относится к прозе молодых писателей, число которых с каждым годом значительно растет (в 1974—1978 годах, например, вышло 182 прозаических дебюта и 38 вторых после дебюта книг). К тому же, как правило, произведения молодых писателей выдержаны в пессимистической тональности, посвящены частным проблемам, часто задворкам жизни. "Ни один из молодых писателей не имеет в настоящее время шансов у широкой читательской публики, поскольку их проза крайне некоммуникативна" — писал в этой связи недавно писатель и критик К.Козьневский. Однако формальные поиски молодых поддерживает значительная часть критиков и литературоведов (например, Х.Береза, полагающий, что с приходом молодых экспериментаторов в польской прозе с середины 70-х годов наступила "художественная революция").

Состояние польской поэзии характеризует своего рода инфляция — огромный приток в поэзию молодых и мало читаемых поэтов (в 1974—1978 гг. — 141 поэтический дебют). Преобладает поэзия эксперимента, стремление к ультра-модерной форме при весьма поверхностных связях с проблемами реальной жизни (в лучшем случае — довольно абстрактная моралистика).

Современная польская наука о литературе и литературная критика отличаются разнообразием исследовательских тенденций, направлений исследований, тем и проблематики; особенно много выдвигается теоретико-методологических предложений, правда, далеко не все они находят достаточно убедительное подтверждение в литературоведческой и литературно-критической практике. Довольно широко распространена в Польше субъективистская импрессионистическая критика. Некоторые исследователи абсолютизируют частные приемы и методы анализа, другие убеждены в необходимости исследовать имманентное развитие литературы в изоляции от истории и жизни общества. Есть и попытки сочетать изучение "автономного" развития литературы с разного рода социологическими исследовательскими аспектами.

В центре многих дискуссий последних лет находятся проблемы "массовой культуры", непосредственно связанные с вопросом о путях развития социалистической литературы. Некоторые критики полагают, что социалистический реализм был неудачной попыткой внедрения массовой культуры в социалистическом обществе. Некритическое перенесение на условия социализма взглядов буржуазных теоретиков по проблемам "массовой культуры" лишает национальную культуру собственных традиций, своеобразия, связи с жизнью народа.

В области исторического изучения литературных явлений наибольшие результаты получают те исследователи, для которых остаются основополагающими принципы марксистско-ленинской методологии: историзм, выявление генетических и познавательных связей между литературой и действительностью, классовая дифференциация культуры и т.д. Однако есть еще немало исследователей, которые под влиянием буржуазных и ревизионистских теорий отказались от таких категорий, как партийность, классовость, народность, положительный герой, метод, социалистический реализм и реализм вообще.

Между тем необходимость исследования этих проблем, в том числе и особенно на материале современной литературы, диктуется задачей выработки критикой идейно-эстетической программы дальнейшего развития литературы, основы которой сформулированы в общих чертах в партийных документах, но которая нуждается в конкретной разработке. Решение этой задачи, в значительной мере сводящейся к изучению традиций социалистического реализма в польской литературе и к определению его сущности на современном этапе, весьма осложнено в Польше тем, что само понятие "социалистический реализм" для многих писателей и критиков было основательно скомпрометировано его вульгарно-упрощенным толкованием в конце 40-х - начале 50-х годов, а затем в конце 50-х годов и позднее подверглось грубым ревизионистским нападкам, сбившим с толку многих современных критиков. Для многих из них социалистический реализм - это по-прежнему лишь продукт определенной эпохи, для которого характерны эстетическая нормативность, идейно-художественные ограничения, обязательные административные предписания, дидактика и т.д. Они не желают видеть, что схематические представления о новом искусстве, имевшем свои

исторические причины, объективно давно преодолены и в СССР, и в Польше, и в других социалистических странах. Долгие годы нормативное понимание социалистического реализма, при котором он становился синонимом догматизма и застоя в литературе, заслоняет многим польским литераторам и деятелям культуры подлинное содержание передового творческого метода, значение коммунистической партийности для художественного творчества, те положительные результаты, которые были достигнуты на основе этого метода в польской литературе и искусстве.

Именно поэтому столь важно стремление многих польских литературоведов и критиков в последние годы по-новому поставить и решить теоретические и историко-литературные проблемы социалистического реализма. Этому способствовала оживленная дискуссия по проблемам социалистического реализма, развернувшаяся в 70-е годы в советском литературоведении, в ходе которой были преодолены вульгаризаторские представления о методе социалистического искусства. Внимание польских литературоведов, как впрочем и их коллег в других социалистических странах, привлекла концепция, выдвинутая рядом советских исследователей (прежде всего Б.Л. Сучковым и Д.Ф.Марковым, который наиболее развернуто обосновал и развил ее). Согласно этой концепции социалистический реализм — это новый тип художественного сознания, новая художественная структура, вобравшая в себя все лучшее от классического реализма и от опыта революционно настроенных художников XX века, открытая и для художественного изображения новых жизненных явлений, и для восприятия художественных завоеваний прошлого и современного искусства. Концепция социалистического реализма, как исторически открытой эстетической системы правдивого отражения жизни соответствует многообразному опыту национальных литератур.

в том числе польской. Именно поэтому многие видные польские литературоведы и критики обращаются к ней, дополняя и разрабатывая ее в теоретическом плане (Г.Маркевич, А.Лям, В.Навроцкий), исходят из нее или соотносятся с ней, анализируя историю становления польской социалистической литературы (В.Сокорский, Я.Термер, М.Стемпень и др.). Поддержать усилия польских литературоведов=марксистов, работающих в разных научных учреждениях и центрах — одна из задач, стоящих перед советскими литературоведами. Один из возможных путей организации делового сотрудничества — учреждение советско=польской комиссии по литературоведению и критике.

Румыния

Как свидетельствует практика культурной жизни СРР в последние 15 лет, в концепции нового руководства РКП культуре отводилась особая роль в проведении и реализации "самостоятельного", "особого" курса развития страны на социалистическом пути. В этих целях работа должна была проводиться в трех направлениях: а/ "спасение" ценностей национальной культуры, якобы поставленных в 50-е годы под смертельную угрозу, и дальнейшее умножение этих ценностей на путях нового переосмысления наследия; б/ решительное оттеснение подлинно марксистско-ленинских сил в культуре, сведение на нет благотворного воздействия советского опыта; в/ постепенное "обуздание" модернизаторов, пропагандистов опыта западно-европейской, буржуазной культуры, ее последних достижений.

Эти моменты были положены в основу культурной политики и закреплены решениями ноябрьского пленума ЦК РКП 1971 г. по идеологическим вопросам. Свою дальнейшую конкретизацию они получили на Национальной конференции РКП в 1972 г. и на XI съезде РКП /1974/, утвердившем Программу РКП. Следует подчеркнуть, что в этих документах РКП содержится много верных теоретических положений, однако практика постоянно выявляла подлинную суть теоретических деклараций; она противоречила им. Эта практика была результатом целенаправленной деятельности созданного в 1971 г. Совета по культуре и социалистическому воспитанию, руководителем которого стал Думитру Попеску, главный идеологический советник Н. Чаушеску. К чему сводилась на деле культурная политика в период до 1976 года?

Прежде всего, был осуществлен пересмотр проблемы диалекти

национального и интернационального с сознательным упором на роль нации как "наиболее прогрессивного международного фактора современности" и соответствующим умалением роли социального фактора. В сознание трудящихся настойчиво внедрялось такое представление о судьбах родины, когда ее история представляла как результат жестокой, непрекращающейся борьбы с жадными могущественными соседями. Национальной истории, таким образом, отводилась роль решающего аргумента в пользу права на "особенное" развитие СРР. Этим было обусловлено обилие изысканий, "по-новому" трактовавших проблемы исторического прошлого Румынии. Усиление археологических исследований в самых различных районах страны, издание книг о древних дакийских царях, наскоки на венгерских и советских ученых, отражавших в своих трудах иные позиции по этим вопросам. /Не обошлось при этом без выступлений провокационного характера относительно "прав" Румынии на территорию Бессарабии/.

Деятельность философов, социологов, этнографов нацеливалась на глубинное выявление румынской самобытности, национальной специфики, на подчеркивание значения крестьянской цивилизации как хранительницы культурного достояния народа, "оживление" угасших обрядов и обычаев.

Резко изменилось и отношение к культурному наследию. Исходя из концепции, что в условиях национально поработенных стран учение Ленина о двух культурах требует специфического применения, началось освоение и выдвижение на передний план идей и творений Н. Йорги, О. Гоги, Л. Благи, В. Пырвана и других представителей румынской буржуазно-националистической философии, поэзии, истории археологии, литературоведения и т.д. Столь же недифференцированным оказался подход к творчеству классиков литературы, чьи произведения включались безо всякого классового подхода в

"национальную эпопею румынского народа".

Результаты подобной политики отчетливо проявились и в художественной практике современных писателей. Большими тиражами публиковались произведения М.Преда, И.Лэнкрэнжана, Д.Сэрару, Э.Барбу, Т.Мазилу и других, содержащие искаженное изображение революционных преобразований 50-х годов, ставящие под вопрос достижения периода строительства в Румынии основ социалистического общества. Резко возросло число произведений на исторические темы, прославляющих древних князей, стихотворений, посвященных "истокам национального духа" и т.п. Критика, уходя от проблем реального развития социалистической литературы, ограничивалась славословием произведений, воспевающих румынскую самобытность.

К середине 70-х годов тактический курс подкрепляется выработанной стратегией борьбы за большую эффективность проводимой культурной политики. Именно в этих целях был проведен в июне 1976 г. Конгресс по политическому воспитанию и социалистической культуре. Одновременно имелось в виду превратить культуру в один из самых притягательных /для стран третьего мира/ элементов "румынской модели". Думитру Попеску писал в этой связи: "Благодаря усилия великого политического деятеля и великого сына нашего народа Н.Чаушеску румынская политическая мысль всего за несколько лет проникла в сознание мира. Так пусть же поднимутся и великие художники, сыны этого народа, и в свою очередь утвердят в мире ценности румынского духа".

В докладе Н.Чаушеску, сделанном на Конгрессе и утвержденом затем в качестве "Программы всей дальнейшей деятельности партии и государства, всех массовых и общественных организаций, воспитательных и культурно-художественных учреждений... в борьбе за

реализацию решений XI съезда РКП... во всей работе по социалистическому воспитанию масс, повышению идеологического, политического и культурного уровня всех членов нашего общества", некоторые, отмеченные выше аспекты концепции руководства РКП в сфере культуры прозвучали лишь в завуалированной форме. Утверждалось, напротив, что история должна стать средством укрепления дружбы между народами в борьбе за социализм, что надо выдвигать на передний план традиции дружбы между социалистическими странами, что у СРР нет территориальных проблем с соседними странами, что понятие патриотизма охватывает также и борьбу против шовинизма и расизма, за дружбу с социалистическими странами и т.д. Было подчеркнуто, что художественная культура уделяет недостаточное внимание проблемам революционного прошлого и настоящего, а критика "не уделяла нужного внимания основополагающим теоретическим проблемам марксистской эстетики, революционного реализма". Однако как бывало и раньше, эти верные положения получили совершенно иную интерпретацию в практической деятельности.

Несколько месяцев спустя была утверждена "Программа мероприятий по реализации решений XI съезда и Конгресса 1976 года". Учреждены советы по политическому воспитанию и социалистической культуре в уездах, городах, селах, учреждениях и предприятиях. Это партийно-государственные организмы, руководимые секретарями парторганизаций по пропаганде или их заместителями. Все партийные кадры должны были пройти трехгодичные курсы по основным проблемам политической и общественно-экономической жизни страны. Подобные же темы были предусмотрены и для обучения членов Союза молодежи, работников предприятий и учреждений и т.д. Программа мероприятий предусматривает ежемесячные политинформации для

всех категорий граждан СРР.

Характерно, что в центре идеологической работы по-прежнему оставалась национальная история. Были намечены меры по усилению преподавания истории в школе; Академия наук СРР и отраслевые академии разработали перспективный десятилетний план по выпуску Истории РКП, Истории Румынии, Всемирной истории, Истории румынского языка и литературы, Истории народного образования в Румынии, Большой энциклопедии, и др. Усилия творческих работников должны были быть направлены на создание "работ, посвященных важнейшим моментам истории и историческим личностям народа, а также строителям всесторонне развитого социалистического общества". Критику призывали "усилить свое воздействие на творческих работников в целях осуществления национальной эпопеи". Итоги этой работы надлежало подводить на проводимом каждые два года "Национальном фестивале социалистического воспитания и культуры", названном "Песнь Румынии". С 1978 г. организуются и спортивные соревнования ~~со~~национального характера γ /"Дакиада"/. Предусмотрены также меры по усилению "культурного экспорта" через каналы "Национального центра дружбы и сотрудничества с другими народами".

Практика прошедшего пятилетия показала, что внутренне содержание всей этой деятельности определялось прежними установками на подчеркивание "особого" курса руководства РКП, было направлено на его упрочение, эффективное внедрение в сознание масс.

I. Прошлое занимало на страницах самых различных изданий куда больше места, чем настоящее /прошлое позитивное - вся история народа до 1918 г. и даже дальше, негативное - 30-е годы, т.е. период "вмешательства" III Интернационала в дела румынской компартии

а также годы с 1948 по 1964. /Если кратко выразить тенденции, характерные для отражения исторического прошлого в творениях искусства этих лет, то они сконцентрированы в словах А. Пэунеску, главного редактора журнала "Флакэра" и руководителя "революционного" кружка молодежи "Флакэра", чьим патроном является генсек РКП: "Когда президент Чаушеску - в ответ на угрозы силой - отвечал "Нет!", его устами говорило самое смелое политическое сознание нашего времени, и возможно, в эти мгновения на Траяновой колонне в Риме даки улыбались. Ибо это был достойный реванш".

Так связываются воедино прошлое и настоящее, борьба даков с римскими захватчиками и "противостояние" СРР и СССР. В этом свете следует трактовать и пышные празднества, посвященные годовщинам войны 1877 года /обретение независимости/, 1918 г. /образование "великой Румынии"/ - и тем более, 2050-летие первого дакийского царства времен Буеребисты /в 1980 г./. Гораздо скромнее отмечались годовщины крестьянского восстания 1907 года и образования республики в 1947 г. Соответственно, они нашли весьма бледное отражение и в произведениях художественной культуры, в печати, области средств массовой информации.

В таком же духе ведется массовая работа кружка "Флакэра", собирающего на своих выступлениях многотысячные толпы молодежи, и других подобных ансамблей.

2. Окончательно утвердились позиции таких противоречивых деятелей культуры прошлого, как Т. Майореску, отец теории "формы содержания", Н. Йорга, историка-националиста, духовного отца леонерства, Л. Благи, философа-иррационалиста, О. Гоги, руководителя первого фашистского правительства и многих других. Переиздаются даже произведения О. Котруша, поэта-легионера, М. Элиаде, философа

идеалиста, ярого противника социализма, подвизающегося ныне в университетах запада. Все более настойчиво внедряется мысль о безвредности мистических концепций "гнндиризма", рассадника фашистских идей в 30-е годы.

3. Одновременно всеми доступными художественными и научными средствами ведется работа по дискредитации достижений периода 50-х годов, приведших к утверждению социалистических начал в хозяйственной жизни страны. Вместе с этими достижениями стремятся зачеркнуть и те положительные сдвиги на пути к социалистическому реализму в искусстве, которые произошли в 50-е и 60-е годы. Неудивительно, что такая позиция выявляет многие общие точки с концепциями "еврокоммунизма", которые весьма благожелательно оцениваются в СРР.

4. В этом же свете осуществляется единство осмысления своего наследия и наследия культур других народов. Количественная разница между импортируемыми произведениями западного и социалистического искусства огромна. Показательна в этом смысле деятельность журнала "Секолул 20", публикующего зарубежную литературу. Советская литература на его страницах - редкость, да и представлена она не самыми характерными произведениями. Культура других социалистических стран вовсе отсутствует.

5. Не уменьшилось число статей и выступлений об агрессивных притязаниях России на территории Румынии и других соседних стран. Здесь используются уже и китайские источники. Вновь и вновь делается заявление, что Бессарабия несправедливо отторгнута от Румынии, но теперь помимо буржуазных свидетельств приводятся и высказывания деятелей социалистического движения в стране и за ее пределами.

Эти и другие аспекты окончательного утверждения в культуре СРР особого националистического курса не могли, естественно, не найти отражения в художественной культуре страны, и прежде всего в литературе.

Проза. Отметим с самого начала, что румынская проза минувшего пятилетия не дала ни одного значительного произведения о сегодняшнем дне страны. И это несмотря на неоднократные призывы руководства РКП, специальные пункты партийных решений. Погрузившись в историю /от царства Буеребисты до 50-х годов XX в./ писатели так и не решились подойти к проблеме воплощения героя эпохи созидания развитого социалистического общества.

Так называемые традиционалисты, отвергающие, по словам М.Унгяну, "тиранию иноземных образцов", стремящиеся создать произведения, воспевающие "румынский архетип", направили свои усилия на изображение различных периодов истории народа /романы о дакийских царях, князьях средневековья, войне 1877 г. - цикл П.Ангела "Снега минувших зим" - и даже юности Н.Чаушеску /П. Винтиля "Юность героя"/. При всей показной заботе об эстетических аспектах, именно в художественном плане книги эти - по признанию самой же румынской критики - не представляют ценности. Но главным объектом своих усилий традиционалисты выбрали период построения основ социализма в Румынии. Излюбленным героем романов И.Лэнкрэнжана /"Страдания потомков" и "Сын засухи"/, Д.Сэрару /"Мгновение"/ и др. является крестьянин, носитель и защитник исконных ценностей народного духа, оказывающий отчаянное сопротивление нововведениям социализма. В романах И.Лэнкрэнжана "Глиняный божок" и М.Преда "Самый любимый из землян" выведены представители интеллигенции, которые в 50-е годы либо морально гибнут

в результате компромиссов с собственной совестью, либо оказываются жертвами репрессий, обречены на страдания. Во всех этих романах можно встретить неприкрытые намеки на губительное воздействие "вмешательства" СССР, советского опыта социалистического строительства.

Несколько иными выглядят художественные позиции представителей модернизаторских, "прозападных" сил в литературе. Вынужденные отказаться от прямого копирования модернистских образцов, они также или обратились к истории /показателен роман Э.Урикарю "Костер и пламя", провозглашающий борьбу за национальные интересы Румынии в середине прошлого века движению за объединение усилий борцов различных стран против деспотизма и угнетения/, или - гораздо чаще - перешли к изображению периода 50-х годов. У представителей этой группы прослеживается, однако, некая эволюция, свидетельствующая о стремлении решать эту ответственную художественную задачу с более разумных, исторически оправданных позиций. У них нет уже огульного осуждения всего периода, ощущается попытка осмыслить значение свершений и причины допущенных ошибок /от романа А.Бузуры "Лики молчания", где показана "правда" и тех, кто проводил коллективизацию, и тех, кто пострадал в ходе ее реализации, к циклу романов Д.Р.Попеску - "Дожди иных времен", "Падуч" и др., в котором изображенные еще весьма "густо" отрицательные аспекты проводимых преобразований не отождествляются со всей эпохой строительства основ социализма, и затем к романам К.Цою "Галерея, увитая диким виноградом", где главный герой гибнет по собственной вине, Э.Урикарю "Мед", в котором герой убеждается в бесполезности, ненужности своего субъективно искаженного толкования событий 50-х годов, Дж.Бэлэице "Непослушный ученик", в кото

ром более объективно прослеживается поступательное движение истории, наперекор допускаемым искажениям эпохи строительства основ социализма/.

Необходимо подчеркнуть, что в стремлении обогатить реалистическую палитру авторы указанных романов в разной степени пользуются формальными средствами современного искусства, допуская не раз пережесты, но уже не впадая в крайности беспочвенного экспериментаторства.

Необходимо отметить, что очевидная эволюция в освещении периода 50-х годов, так же как и определение позиций и в других вопросах развития современной культуры СРР, объясняется у представителей этой второй писательской группы не в последнюю очередь стремлением противостоять засилью традиционалистов /"правых"/, которые все более расширяют свое присутствие на страницах книг, печати, в средствах массовой информации и т.д. Борьбу или по крайней мере несовпадение позиций различных группировок отразила дискуссия, несколько раз возобновлявшаяся на страницах журналов и в общенациональных симпозиумах по критике, драматургии, о так называемом "румынском протокронизме" - опережающей роли румынской культуры в Европе. Само собой разумеется, что для людей, мыслящих современными категориями искусства /и последовательно марксистскими тем более, правда, таковых в СРР ныне очень мало осталось/, эта теория, открыто пропагандируемая в ряде исследований и с трибун различных конференций и симпозиумов, послужила сигналом серьезной опасности для судеб родной культуры, что и вызвало своего рода "полевение" модернизирующих литераторов, до этого придававших значения марксистской эстетике /Н.Манолеску, Э.Сими и др./.

лей "нового вала" и дешевой патриотической фразы традиционалистов. В качестве удачного синтеза была названа поэзия умершего в 1961 г. Л.Благи, сумевшего облечь традиционные мотивы в яркую экспрессионистскую форму. Этому образцу следует /и призывает других следовать/ главный идеолог ЦК РКП Д.Попеску, автор ряда поэтических сборников и вышедшего недавно романа "Кулак и пощечина" о "перегибах" периода 50-х годов.

Драматургия. Коллоквиум по драматургии, состоявшийся как и прочие коллоквиумы по инициативе Союза писателей и подсказке Н.Чаушеску, выявил основной водораздел, существующий ныне между историческими пьесами, которые в великом множестве были написаны в связи с различными юбилеями /"Гора" Д.Р.Попеску, "Третий кол" и "Простуда" М.Сореску, трилогия Ш.Андраша и др. - это лучшие образцы/ и бюрократическими комедиями, авторы которых робко касаются недостатков современной общественной жизни /П.Эверак "Пятый лебедь", И.Бэешу "Ковчег" комедии Т.Мазилу и др. /Набирает силу политическая драма, героями которой, в основном, выступают те, кто покинул родину и не может найти себе места в западном мире /Д.Р.Попеску "Молитва о диск-джокее" и др./ . Как и в других "подразделениях" литературы здесь тоже ощущаются отрицательные последствия непрекращающейся борьбы между правыми и "модернистами" в условиях все более усиливающегося культа личности Н.Чаушеску.

Критика и история литературы - один из наиболее активных участков литературной жизни в указанный период. Прделана большая работа по изданию таких капитальных трудов, как "История румынской критики" Фл.Михэйлеску, "Хронологический словарь румынской литературы", "Словарь румынской литературы от истоков до 1900 г.", "Словарь фолклористов", "Словарь румынской литературы", "Румынские писатели" /в

трех различных вариантах/ и множество капитальных исследований по истории различных периодов и течений литературы – от классицизма, просветительства, романтизма – до литературы межвоенного периода. Издаются собрания сочинений классиков, антологии на темы "румынские деятели культуры о боевых задачах искусства, о традиции и новаторстве, о национальном и универсальном" и т.д.

Однако эта огромная работа отмечена теми же нездоровыми тенденциями, о которых шла речь выше. В общем потоке актуализируемого наследия оказываются и писания ярых националистов, бывших легионеров, антисоветчиков /Йорга, Котруш, Тога, Стере, Нойка и др. В противоречивом творчестве таких представителей критического реализма, как Л.Ребряну, или "экзотического реализма", как П.Истра или М.Элиаде, сегодня все оказывается пригодным для читателя. В творчестве же писателей-демократов /Садовяну, Г.Галактион/ много отодвинуто в тень, предается забвению. И любая попытка даже таких общепризнанных патриархов культуры, как Й.Йордан или Джоу Богза, сказать правду и о тех и о других встречается в штыки, характеризуется как акт, враждебный национальной культуре.

Проведенный в конце 1977 г. общенациональный colloquium по критике ничего не изменил ни в общей направленности освоения наследия, ни в расстановке сил на этом фронте.

Что же касается собственно критики, она отличается удивительным "плюрализмом". Роман Н.Бребана "Благовещание" был воспринят как пасквиль на период 50-х годов и социализм почти всеми серьезными рецензентами, а через год... получил премию Союза писателей СРР. То же случилось с романом Ф.Нягу "Красивые безумцы городов" с книгой эссе К.Нойки и т.д. При этом продолжают схватки сторонников импрессионистской критики /Н.Манолеску, Э.Симион и др./ и

критики традиционной /М.Унгяну, И.Чобану, П.Марча и др./ по самым различным темам — от теории "румынского протохронизма" до оценки последних романов.

При этом обе стороны — правда, с разной степенью интенсивности — весьма благожелательно воспринимают различные новшества западной буржуазной критики и полностью игнорируют достижения советской критики, критики других социалистических стран. Наши предложения опубликовать статьи о теории социалистического реализма наталкиваются на вежливый отказ.

Некоторые итоги. Основные цели культурной политики РКП, намеченные еще в 1971 г., сегодня достигнуты: подлинно левые силы устранены, "модернизаторы" оттеснены, правонационалистические силы торжествуют, они наступают. Марксизм уступил место "йоргизму". Происходит ничем не ограниченное смыкание с довоенной буржуазной культурой. "Реабилитация" реализма, происшедшая в последние пять-шесть лет, оказалась на деле средством компромата периода строительства основ социализма и подлинной дружбы с СССР, средством утверждения националистических позиций.

В ближайшие годы наиболее вероятным представляется дальнейшее усиление указанных тенденций.

Чехословакия

Особенности культурной политики КПЧ в период после ХУ съезда /апрель 1976/ определялись, с одной стороны, возможностью опереться на важные позитивные результаты консолидации в области культуры, достигнутые в период между ХІУ и ХУ съездами, и, с другой стороны, укрупнением задач, которые встали в этой области в связи с новым этапом социалистического строительства.

ХІУ съезд КПЧ /май 1971/ закрепил разгром антисоциалистических тенденций в Чехословакии, в том числе и в культурной сфере, и со всей четкостью провозгласил в своих решениях ориентацию на литературу социалистического реализма. Программу социалистического реализма приняли за основу своей деятельности вновь созданный Союз чешских писателей, Союз словацких писателей, возрожденная литературная печать. Были возобновлены связи с союзами писателей других социалистических стран.

По сравнению с кризисным периодом уже в самом начале 70-х годов резко изменился общий облик чехословацкой литературы: в ней не осталось места антисоциалистическим и ревизионистским явлениям, на самую периферию литературного процесса были оттеснены тенденции модернистского и неоавангардистского толка. Ведущее положение в литературе заняли гражданская поэзия /В.Завада, А.Плакка, М.Лайчак, И.Скала и др./ и реалистическая проза - прежде всего исторический роман /Б.Ржига, Н.Фрид, В.Нефф и др./, но постепенно и повесть и роман о современной действительности /Я.Коза, Я.Коларова, М.Рафай, М.Ногейл и др./. Критика того времени /Л.Штолл, И.Гаек, С.Шабоук, С.Шматлак, К.Розенбаум, В.Достал и др./ сосредоточила свои усилия в первую очередь на разоблачении ложных эстетических концепций, имевших хождение в кризисные го-

а также на разработке теоретических проблем социалистического реализма /при опоре на достижения советской литературоведческой мысли, в частности, труды Д.Маркова, Б.Сучкова и др./ и традиций чешского и словацкого революционного искусства.

Успехи, достигнутые в области культуры и литературы, были высоко оценены на XV съезде КПЧ в докладе Г.Гусака, который сказал: "Благодаря принципиальной и гибкой политике значительно укрепился фронт творческой интеллигенции, сплоченной вокруг партии и идей социализма, развернулась богатая культурная жизнь".

Знаменательной вехой на пути консолидации чехословацкой культурной общественности явилась ее реакция на ревизионистскую "Хартию 77", подготовленную эмигрантами, но подписанную также и незначительным числом находящихся в состоянии внутренней эмиграции представителей творческой интеллигенции внутри страны. Декларация "За новые творческие дерзания во имя социализма и мира", принятая на собрании деятелей культуры в пражском Национальном театре 28 января 1977 г. и подписанная затем широким кругом творческих работников, в том числе и рядом тех, кто не состоял в новых творческих союзах /например, словацким драматургом П.Карвашем/ принадлежит к важнейшим документам культурной жизни после XV съезда КПЧ.

В декабре 1977 г. был создан Союз чехословацких писателей, который по принципу федерации объединил союзы чешских и словацких писателей. Надо отметить, что новый Союз чехословацких писателей отличается по своей структуре от того, который существовал в 40-50-е годы. Тогда не было Союза чешских писателей. Всеми вопросами организации литературной жизни ведало центральное руководство Союза чехословацких писателей, внутри которого на правах автономии

существовал Союз словацких писателей. В настоящее же время в ведении Союза чехословацких писателей оставлены лишь некоторые общие вопросы, в частности, связи с иностранными писательскими организациями, тогда как практическое руководство литературной жизнью осуществляют равноправные национальные союзы писателей. Вместе с тем - по сравнению с предыдущим десятилетием неизмеримо возросли взаимные контакты чешской и словацкой литературы и критики. Это выражается в оперативных взаимных переводах /и рецензировании/ всех наиболее примечательных чешских и словацких литературных новинок, в систематической взаимной информации в литературной печати, в проведении общечехословацких писательских и научно-критических конференций: о современной прозе, о современной поэзии, о чешско-словацком литературном контексте и т.д. Нельзя сказать, что полностью устранены трения между национальными писательскими организациями, но в целом явно преобладает позитивное сотрудничество.

Вопросы развития культуры, литературы и литературной критики подверглись серьезному обсуждению на 15 пленуме ЦК КПЧ /март 1980 который был посвящен проблемам "повышения уровня и действенности политико-воспитательной и идеологической работы". На пленуме было подчеркнуто повышение роли политико-воспитательной работы вообще, и в том числе не в последнюю очередь - культуры, в период строительства общества развитого социализма, когда возрастает значение субъективного фактора. Были отмечены успехи в области идеологической деятельности и развития культуры и литературы, но основное внимание было обращено на еще имеющиеся недостатки /"формализм, алибизм, стремление к спокойной жизни, недостаток ответственности и инициативы"/. Ход пленума и материалы обсуждения его решения

в печати показывают серьезную озабоченность КПЧ положением дел в области воспитания масс трудящихся, стремление реально улучшить эту работу. Повышенные требования в этой связи предъявляются и к литературному творчеству.

В рассматриваемый период литературная печать была уже полностью очищена от враждебных социализму тенденций. Разумеется, не обошлось без некоторых ошибочных выступлений по отдельным вопросам, которые не носили однако ревизионистского или антисоциалистического характера. Вместе с тем задача борьбы с подобными тенденциями отнюдь не снята с повестки дня. В стране по-прежнему имеется внутренняя эмиграция, которая еще не полностью сложила свое оружие. Возможности ее ограничены, но совсем сбрасывать ее со счетов нет оснований. Чехословакия постоянно подвергается массированным идеологическим атакам с капиталистического Запада где окопались эмигранты, пользующиеся активной поддержкой западных подрывных служб и работающие на них. Эти обстоятельства также были приняты во внимание при оценке на последнем пленуме ЦК всей идеологической сферы и стоящих перед ней задач.

+

+

+

Развитие литературы Чехословакии в 1976-1980 гг. явилось непосредственным продолжением той основной линии, которая определялась в ней в период между XIV и XV съездами КПЧ. Новые моменты и изменения, обнаружившиеся в литературном процессе, не меняют его общего характера.

Как уже отмечалось, новое качество литературы 70-х гг. раньше всего проявилось в поэзии - гражданской и философской. Но постепенно на первый план в литературном процессе вышла проза. Разумеется, интересные и значительные вещи появляются и в других

жанрах. В поэзии надо особенно выделить последний сборник стихов В.Завады "Спасибо, жизнь" и поэму М.Валека "Слово". Критика высоко оценила сборник стихов И.Тауффера "Продолжение следует", новые произведения А.Плавки, И.Скалы и др. Тем не менее внимание читательских кругов на современном этапе, как впрочем и в большинстве других литератур, больше обращено на прозу.

Заметный качественный сдвиг произошел во второй половине 70-х гг. в развитии словацкой прозы. Выход в свет в 1976 г. "Одиннадцатой заповеди" Я.Йонаша /романа, посвященного началу послевоенной перестройки словацкой деревни/ и трилогии "Мастера" В.Шиккулы стало событием в движении словацкого романа. Важно, что эти книги вызвали оживленную дискуссию о современной эпике вообще, столкновение мнений, которое дало импульс дальнейшему творчеству.

Несомненно, самое значительное произведение словацкой прозы рассматриваемого периода – трилогия В.Шиккулы /"Мастера Герань", "Вильма"/ о Словацком национальном восстании 1944 года и начале послевоенной жизни. Произведение это далеко не бесспорное. Справедливы были упреки критики о неполноте показа восстания, в отдельных эпизодах и образах недостает глубины социального анализа и т.д. Но трилогию отличает как высокое художественное мастерство, так и интересная постановка некоторых этических и философских проблем, связанных с отношением человека к природе, к национальным обычаям, к труду, к другим людям, к детям. Трилогия Шиккулы и споры вокруг нее обозначили новый, более высокий уровень в развитии словацкого романа.

К заметным произведениям словацкой прозы последних лет принадлежат также романы "Помощник" Л.Баллека /о первых послевоенных годах/ и "Тысячелетняя пчела" П.Яроша /о жизни словацкой провинции конца XIX-начала XX века/.

Если в начале 70-х годов большие достижения наблюдались в чешском историческом романе, то во второй половине десятилетия рост количества произведений этого жанра стал явно опережать их качество. Вышло немало рутинных исторических повествований. Серьезные замечания критики /И.Гаек, Г.Грзалова/ вызвала историко-философская концепция романа И.Шотолы "Святой на мосту", где человек представлен как игрушка в руках слепой судьбы.

Положительную оценку критики вызвали последние тома трилогии Б.Ржиги о Иржи Подебраде, последние тома трилогии В.Неффа из эпохи тридцатилетней войны /хотя они признаны более слабыми, чем первый роман "У королев не бывает ног", 1974/, исторические романы М.В.Кратохвила. Тепло был встречен роман Я.Коларовой из времен буржуазной Чехословакии "Наш малый, маленький мир". Но в целом можно констатировать, что во второй половине прошедшего десятилетия центр тяжести чешской прозы переместился к изображению 40-50-х годов /"Окраина" К.Мисаржа, "Гнездо аиста" Я.Козана, "Двойной свет" Й.Кадлеца/ и этических проблем современного человека, рассматриваемого как в его "личных", так и в "производственных" обстоятельствах /"Соленый снег" М.Рафая, "Авария" И.Швейды, "Сбор винограда" К.Костргуна/.

Общий уровень современной чешской прозы достаточно высок, однако нельзя не признать, что в ней мало произведений, которые вызвали бы широкий общественный резонанс /как, к примеру, трилогия В.Шикулы в словацкой литературе/. Современная чешская про-

за последовательно выступает против потребительской психологии и "вещизма", подчас ей удаются образы отрицательных героев /например, герой "Аварии" И.Швейды/. Однако, во многих произведениях ощущается узость подхода к действительности, повторяемость, однотипность героев и конфликтов. Справедлива следующая оценка, данная в статье Г.Грзаловой в "Руде право" /23.8.80/: "Проза оказывается на перепутье... Она может дальше успешно развиваться только в том случае, если проникнет в самую основу действительности, будет соответствовать ее сущности, будет поднимать сложные проблемы нашего времени".

В области драматургии более интересные вещи дала словацкая литература /Я.Солович, О.Заградник/. Чешская драматургия более успешно развивается в форме телевизионной драмы из современной жизни и кинодраматургии. К успехам кинодраматургии следует отнести киносценарии Я.Отченашека /"Возлюбленные первого года", "Тень летящей птицы" и др./, Я.Коларовой /"Лето с ковбоем", "Девушки из фарфора"/, К.Шторкана /"Салонные львы" и другие фильмы с молодежной тематикой/.

+ + +

В культурной жизни страны, в определении общей направленности литературы и оценке достигнутых ею результатов, в осуществлении воспитательной функции литературы очень важная роль принадлежит критике.

Чехословацкая критика в рассматриваемый период работала весьма активно, сделано немало, однако в целом ее уровень не полностью удовлетворяет партийное руководство. Об этом свидетельствуют материалы 15-го пленума ЦК КПЧ. В докладе Президиума ЦК КПЧ, произнесенном В.Биляком, прямо говорится: "В борьбе

новые ценности социалистического искусства, за воспитание требовательности к себе и высокого чувства ответственности творческих работников не выполняет свою миссию художественная критика".

Положение в чешской и словацкой критике имеет свои отличия. Известно, что в кризисный период чешская критика была больше заражена ревизионистскими тенденциями, чем критика словацкая, где на партийных позициях оставалось относительно большее число авторов. В чешской литературе вся деятельность по преодолению последствий идеологического кризиса в области литературной теории и критики легла на плечи весьма ограниченного числа авторов, верных марксистским принципам. За первые годы послекризисного периода в этом плане была проделана действительно очень объемная и важная работа начиная с I-го съезда чешских писателей /доклад Я.Козака, выступление И.Тауфера и др./.

Можно констатировать, что на сегодняшний день дела обстоят относительно благополучно в области теории литературы /развенчание структурализма, ревизионистских и неоавангардистских концепций, отстаивание основных принципов марксистской эстетики, разработка теории социалистического реализма/, а также в области изучения революционных и демократических традиций чешской литературы /книги С.К.Неймане, И.Волькере, Ю.Фучике, В.Ванчуре, Б.Вацлавеке, "Гражданин Ф.К.Шальда" Л.Штоллы/. Сложнее и менее удовлетворительно положение в области текущей критики, в оценке новых литературных проведений.

На протяжении 70-х годов и до сего дня существует всего один чешский литературный журнал - "Литерарни мисичник" /главный редактор О.Рафай/, который, хотя в последнее время и интенсифицировал свою деятельность, но все же не в состоянии

удовлетворить растущие потребности литературного процесса. Разумеется, материалы о культуре помещают и другие органы печати, прежде всего еженедельник "Творба", а также ежедневные газеты "Руде право", "Млада фронта" и др. Однако это не может заменить недостаток собственно литературной печати, тем более, что в чешской литературе существует традиция как раз очень развитой сети литературных журналов.

Очень узок круг активных критиков, большинство из которых выполняют и большую академическую литературоведческую нагрузку. Это сотрудники Института чешской и мировой литературы ЧСАН Г.Грзалова, Ш.Влашин, М.Благинка; преподаватели философского факультета Карлова университета В.Рзоунок и Я.Неедла. Выступает как критик О.Рафай. В последнее время вновь стал активно печататься И.Гаек /ныне - профессор Карлова университета/, который в предыдущие полтора-два года /после ошибок, допущенных им в редактировании "Творбы"/ редко выступал с критическими статьями. Можно назвать еще несколько имен молодых критиков, например, В.Колар, Ф.Цингер, Я.Лукеш. Но если сопоставить с этой относительно небольшой группой активных критиков огромный объем новой художественной продукции чешской литературы, то слабость ее критического обеспечения станет особенно очевидной.

Но дело, конечно же, не только в количестве. Остается фактом, что главный жанр текущей чешской критики - краткая рецензия. Можно назвать только одну дискуссию о современной литературе - организованный журналом "Литерарни месичник" Круглый стол по проблемам чешского исторического романа /"Литерарни месичник" 1978, № 4/. Среди рецензий решительно преобладают своего рода "рекомендательные аннотации". Явно недостает глубоких разборок

новых книг, сопоставлений литературных произведений с реальной действительностью сегодняшнего дня, откровенного разговора с читателями.

Замечание 15-го пленума ЦК КПЧ в адрес чешской литературной критики следует понимать как упрек в недостаточной требовательности, в известной поверхности и стереотипности ее суждений. Надо отметить, что критики стремятся учесть этот упрек, внести коррективы в свою практику. Вопрос о необходимости повысить качество современной прозы поднимается, например, в статье И.Гаека "О некоторых проблемах молодой прозы" /"Творба", № 31, 1980/. Но эти /и подобные им/ отдельные новые штрихи еще не меняют общей картины.

Словацкая литература на сегодняшний день располагает двумя журналами: "Словенске погляды" /главный редактор - В.Рейсел/ и "Ромбоид" /главный редактор - М.Ковачик/ и многочисленным отрядами критиков. По сравнению с ситуацией в чешской литературе эти "количественные показатели" выглядят еще более удовлетворительными, если учесть существенно меньший "общий объем" словацкой литературы.

Среди наиболее активных и авторитетных словацких критиков следует назвать С.Шматлака, К.Розенбаума, Я.Штефчека, Б.Тругларжа, И.Кусого, Р.Хмеля и др. Важно также, что по проблемам современной литературы активно выступает такой заслуженный критик старшего поколения, как Д.Окали. Он бывает порой черезчур категоричен в своих требованиях социальной точности литературы /например, по отношению к "Мастерам" В.Шиккулы/, однако в конечном счете это оказывается полезным для общей сбалансированности оценок художественных произведений. Среди критиков младшего поколения авторитет

завоевал И.Сулик, которого отличает подчеркнутая требовательность к художественной стороне анализируемых книг.

Словацкая литературная критика весьма дифференцирована, в ее практике широкие дискуссии о новых книгах. В этой связи надо назвать дискуссии вокруг "Одиннадцатой заповеди" Я.Йонаша, вокруг романов В.Шикулы и некоторых других произведений. Интересом у читателей пользуются диалоги между С.Шматлаком и Я.Штефчеком на актуальные темы современного литературного процесса, которые регулярно печатает "Ромбоид". "Словенские погляды" практикуют годичные обзоры развития литературы по отдельным жанрам, годичные обзоры развития критики и литературоведения.

Вместе с тем в словацкой литературной критике также имеются недостатки — они иного рода, чем недостатки современной чешской критики. У отдельных словацких авторов присутствуют еще элементы эстетского и формалистического подхода к литературным произведениям. С другой стороны, партийные органы указали на объективистские тенденции, проявившиеся при подготовке первого тома "Словаря словацких писателей". Так что поставленный на 15-м пленуме ЦК вопрос о повышении уровня художественной критики в полной мере относится и к критике словацкой.

Для современного этапа литературного развития в Чехословакии характерен постоянный интерес к литературам братских социалистических стран, прежде всего к советской литературе. Знаменательно при этом, что в Чехословакии широко переводится, рецензируется /М.Забрадка, Д.Слободник, Я.Герштова и др./ и пользуется читательским спросом не только русская, но именно многонациональная советская литература. В работах критиков /особенно по общим вопросам/ часто можно встретить ссылки на работы советских теоретиков. Неизменно

популярна "открытая концепция" социалистического реализма - со ссылками на труды Д.Маркова и Б.Сучкова, встречаются ссылки на труды Г.Поспелова, Л.Новиченко, В.Озерова и многих других. Чехо- словацкие литературные журналы охотно печатают статьи советских писателей и критиков, привлекают их для участия в анкетах и т.п. Хотя, вероятно, и в этой сфере контакты могли бы носить не только взаимовежливый /что само по себе, конечно же, очень важно/, но и более требовательно-деловой характер.

Югославия

Начавшийся в конце 60-х - начале 70-х гг. процесс переоценки опыта идеологической, культурной и художественной жизни в стране за предшествующее десятилетие со второй половины 70-х гг. принимает все более широкие масштабы. Этому способствовало письмо Й.Б.Тито 1971 года о положении в Хорватии, решения X и XI съездов СКЮ, VIII съезд писателей Югославии. В документах партийных съездов подчеркивалась необходимость усиления борьбы: а/ за решительное определение на позициях классовой сущности культурной политики и признание культуры интегральной частью революционного процесса образования общества; б/ за развитие марксистской критики; в/ против тенденций, противоположных социалистическому гуманизму; г/ против злоупотреблений свободой творчества и попытками ее использования против завоеваний социалистической революции. Одновременно подчеркивалась мысль о том, что "Союз коммунистов не является арбитражем в вопросах эстетических течений, направлений и стилей" и не требует от искусства и литературы "копирования жизни, украшения и лакировки действительности, служения повседневной политике".

Эти положения неоднократно повторялись в выступлениях руководителей СКЮ, дополняясь заверениями о невмешательстве партии в идейноэстетическую борьбу школ, течений и направлений /доклад С.Доланца на съезде писателей. "Политика", 3.X.1978/ и открытости по отношению к идейному и культурному творчеству других народов /многочисленные выступления Э.Карделя, например, речь на открытии международной выставки книг в Белграде. "Политика", 28.X.1975/. В этом общественным и культурным деятелям Югославии видится особость культурной политики СКЮ, заключающаяся в признании плюрализма эстетического, а некоторыми - и идеологического.

Разногласия возникают в определении степени допустимости идеологического плюрализма.

В "Основных тезисах..." к XI съезду СКЮ /"Коммунист", 3.II.1978/, в частности, отмечался тот факт, что преувеличение репрезентативного характера Академий наук и искусств привело их "к некоторому обособлению от общества и протекающих в нем процессов и известному непониманию устремлений нашей социалистической революции и социалистического самоуправляющегося общества".

Это положение очень важно, так как оно отражает бытовавшее и ранее в печати мнение партийных и общественных деятелей и деятелей культуры о существующем расхождении между провозглашенной СКЮ культурной политикой и сложившейся в стране ситуацией, касающейся не только положения в академиях наук и искусств, но и культуры вообще и литературы в частности. Так, С.Шувар /член ЦК СКХ, Председатель республиканского комитета по вопросам прощения, культуры, физической и технической культуры СР Хорватии, проф. философского факультета Загребского Университета/, выступая на организованной редакцией ж. "Коммунист" дискуссии на тему - "Идейная борьба - общественная критика - текущая политика" /3.II.1977/, говорил об обострении в последние годы идейной борьбы, о перемещении ее центра в область культуры вообще и художественного творчества в особенности. Он отметил далее, что "буржуазная интеллигенция - по своему профилю и ориентации а не социальному происхождению - здесь еще доминирует, опираясь в основном на мифологическую версию, согласно которой именно она - интеллигенция - хранит и развивает свободу духа и творчества, тем самым охраняя и развивая национальные ценности".

Все последние годы со страниц газет и журналов не сходит вопрос о необходимости развития марксистской эстетики и критики, равно как и вопрос о том, что понимать под марксистской критикой и соотношением эстетического плюрализма с плюрализмом идеологическим. Доказательством активизации различных сил является резкое столкновение мнений о революционных традициях/поводом послужила книга В.Калезича "Движение социальной литературы", Белград, 1975/, проявлений национализма /"Хорватская литература в европейском контексте", Загреб, 1979/, антисоциалистических настроений /там же, ст.А.Шоляна о послевоенной хорватской литературе/. Наиболее остро и определенно сложившуюся ситуацию охарактеризовал, как нам кажется, профессор философского факультета Белграда Сретен Петрович в своем выступлении "О некоторых общественных вопросах художественного творчества и критики" на организованной Марксистским центром Белграда дискуссии: "Художественное творчество и критика" /"Политика", 9.XI.1978/. По его мнению, возникло существенное противоречие между "самой концепцией культурной политики", признанием "творческого, но не идеологического, плюрализма", с одной стороны, и с другой - позициями критики, включающими в себя все оттенки плюрализма различных политико-идеологических интересов общественных групп, от имени которых они выступают". СКЮ, говорит он далее, "охваченная страхом перед первородным грехом" / т.е. занять позицию арбитра в эстетико-стлевой области/, собственно устранилась от решения важнейших вопросов, касающихся общественной направленности искусства, за что она отвечает перед собственной Программой. Пришло время, продолжает Петрович, критически оценить все то, что создано "под вышкой всех эстетических инспираций", а может быть и идеологией".

Та же точка зрения нашла отражение в выступлении секретаря ЦК Хорватии Ивицы Рачана на заседании ЦК СКХ по вопросам культуры /апрель 1978/. В частности он сказал: 1. Культура не может развиваться стихийно, она может развиваться только под идейным руководством социалистических сил; 2. в области культуры сейчас остро ощущается присутствие разных идейных сил, что приводит к откровенному отпору, который оказывается произведениям социалистической направленности и безудержному восхвалению произведений с националистическим и мелкобуржуазным призвуком.

Характерно, что господствующими в эстетике остаются труды структуралистского, феноменологического и экзистенциалистского характера. Однако, надо отметить, что в последнее пятилетие создались более благоприятные условия для появления критических и литературоведческих работ, пытающихся объективно оценить сложившееся положение в этой области науки, поставить вопрос о революционных традициях в литературе и критике и их отношении к современной литературе. Это работы В.Калезича, В.Маджаревича, М.Бандича, Р.Вучковича. В них главным образом подвергнута резкой и обобщенной критике точка зрения С.Ласича, нашедшая выражение в его книге "Столкновение в лагере левой литературы" /Загреб, 1971/. Суть концепции Ласича, встретившей широкую поддержку большей части критики, заключается в защите тезиса о "постоянном столкновении искусства и революции, так как они как таковые взаимно исключают друг друга". Под видом борьбы со всеми идеологиями, по мнению В.Маджаревича, С.Ласич, ошибочно трактуя положения Маркса, а то и фальсифицируя их, отрицает марксизм, активно при этом поддерживая идеалистические, откровенно иррационалистические и вневременные мистико-биологические или феноменологические концепции литературы и искусства.

В. Калезич, резко итемпераментно выступивший против фальсификации "социальной литературы" /революционное течение конца 20-х - 30-х гг./, не менее резко выступает против проникновения троцкистских взглядов в современные общественные науки, в том числе и литературоведение, за что "аристократами, кичащимися своей бесклассовой позицией" /определение Калезича/, был окрещен "верующим марксистом", "фольклорным марксистом", ибо, по определению одного из таких "аристократов духа" Н. Милошевича, он не стремится обновить марксизм работами Гароди и Лефевра и, более того, отрицательно относится к подобным "синтезам" в работах других. По поводу таких "аристократов" Президент словенской академии наук и искусств Й. Видмар сказал: "Наша критика не имеет принципов. Можно сказать: она принципиально беспринципна. Эта критика не признает в литературе какого бы то ни было смысла. Она утверждает, что смысл современной литературы в уничтожении всякого смысла, всякой ее внутренней целенаправленности." /"Политика", 4.II.1978/.

Для более конкретной характеристики литературной и литературно-критической ситуации второй половины 70-х гг. выделим отношение к трем важнейшим проблемам: модернизму, социалистическому реализму и реализму.

I. Изжитость модернистских течений, особенно их крайних форм, признается почти всеми крупными писателями и критиками. Собственно все седьмое десятилетие шло под флагом критики абстрагирующегося от жизненных проблем искусства и признания его порога к действительности. В то же время модернистские направления не только продолжают существовать, но и проявляют достаточную активность, особенно в Словении. Совсем недавно /июль 1980 г.

группа словенских писателей /54 человека/ обратилась в правительство с просьбой о разрешении на издание журнала. В обосновании они пишут, что по их мнению, в наши дни идет борьба между тенденциями самоуправления и ресталинизации /они, конечно, на позициях первых/. Так как, утверждают они, модернизм общественно принят как течение и врос в литературу, то необходим журнал, который отстаивал бы право "каждого художника и работника умственного труда искать собственный путь, который будет проходить вне существующих и исчерпавших себя культурно-идеологических программ и групп. Псевдоновизна этой платформы очевидна, поэтому не случайно она встретила критический отпор со стороны других словенских писателей.

2. Отношение к социалистическому реализму остается отрицательным. Однако, обращает на себя внимание тот факт, что в среде югославских критиков проявилось, если не желание объективно разобратся в этой проблеме, то стремление к корректировке, вынужденное признание ошибочности некоторых установившихся взглядов по этому поводу. При наличии и распространенности общесуждений типа: "как не существует социалистического обеда, так не существует социалистической эстетики" (часто приводимая цитата из Д.Матича) на встрече советских и югославских критиков в Ленинграде в декабре 1977 г. (материалы опубликованы в ж. "Книжность", 1979, № 8-9), звучали и такие высказывания: Г. П.Матвеевич, профессор Загребского университета, критик: "Мы действительно понимаем социалистический реализм очень узко, как литературу определенного периода в вашей стране... Это большая ошибка, которую необходимо исправить. Время от времени мы пытаемся это сделать". 2. Старделов /Эстетик, Скопле/: "О литерату

часто судят по литературным манифестам, а не по литературным фактам. Так случилось и с социалистическим реализмом... Наше толкование социалистического реализма было связано с тем отпором, которые вызвали у нас методы администрирования в литературе. Но это не означает, что мы были против социалистического реализма как определенного стиля, как определенного процесса в искусстве, ведь мы в принципе придерживаемся плюрализма творческих стилей".

3. Зато в последнее пятилетие существенно изменилось отношение к реализму, чему способствовала художественная практика. Вступление в литературу в 70-е годы поколения молодых прозаиков /И.Иванович, В.Савич, В.Стеванович, К.Кларич/ и активизация писателей-реалистов старшего /М.Крлежа, Д.Максимович, Р.Зогович, М.Кранец, Ц.Космач/ и среднего поколений /М.Лалич, Д.Чосич, Ю.Франичевич-Плочар, М.Бор, С.Яневский/ укрепили позиции реализма, расширили сферу его влияния на литературу в целом. Молодые прозаики программно заявили об отказе от опыта тех своих предшественников, которые опирались на принципы экзистенциализма, абстрактно-универсального оторванного от жизненных проблем изображения. Творчество этих писателей, которое критика связывает с "новой прозой", "новым реализмом", "прозой действительности", преимущественно натуралистично, оно прежде всего ориентируется на изображение только темных сторон действительности. По мнению одного из ведущих сербских критиков Д.Еремича /долгие годы был редактором "Книжне новине"/, в основе творчества этих писателей лежит взгляд, что "мраком правит противоборство бога и дьявола, света и мрака, милосердия и жестокости и что та часть, которую представляет дьявол, тьма и жестокость, намного сильнее добра и счастья". Отсюда, считает критик, и их внимание к "дну жизни" - "раскисшим улицам, убогим

трактирам, вонючим базарам, полуразвалившимся лачугам, комнатенкам бедноты или другими словами - к грязи, нищете, вони, гнили и разложению".

Между тем среди писателей этого литературного поколения есть и подлинные реалисты, поднимающие серьезные проблемы нравственно-го мира нашего современника /Д.Михайлович "Венок Петрии", Белград 1975; перевод на русский язык 1978; М.Саболович "Шрамы", Загреб, 1978/. Таких произведений еще не много, но важно отметить их появление.

Основные достижения этого времени во всех югославских литературах связаны с творчеством писателей-реалистов среднего и старшего поколений. Они преимущественно разрабатывают темы из истории своих народов и проблематику народно-освободительной войны. Это "Знамена" Крлежи /второе дополненное издание, 1976/, "Военное счастье" и "Поборники" М.Далича, "Время смерти" Д.Чосича, "Дядья мне рассказывали" М.Краньца, "Потомки Перуна" Д.Максимович. Именно им принадлежат заслуги в развитии отечественного исторического романа и романа-эпопеи.

Весомые достижения реалистической литературы заставили критиков вернуться к теории реализма, забытым ранее понятиям и терминам, таким, как роман-эпопея, образ, герой. На эти темы проводятся дискуссии, появляются сборники статей, им посвящаются отдельные номера журналов. В одном из таких журналов выступил один из ведущих литературоведов Сербии П.Палавестра, сторонник реализма и его активный защитник в своих историко-литературных работах. Он сказал, что видит в современных условиях возрождение критического реализма, который он считает формой участия литературы в преображении мира. Критический реализм, по его мнению, нельзя сводить к стилевой фо

мации или художественной школе. Это, считает П. Палавестра, "творческая позиция". Но переходя к положительной программе, Палавестра, признавая творческие возможности реалистического искусства, по сути дела смыкается с теорией "реализма без берегов" Гароди, видя в ней подлинную марксистскую разработку эстетики реализма.

В последнее время возникла еще одна тенденция, суть которой заключается в подмене термина социалистический реализм термином критический реализм. Несколькими годами ранее в критике сложился устойчивый стереотип понимания социалистического реализма. Он строился на нескольких положениях: социалистический реализм — это свод догматических регламентаций, жестких норм, обязательного набора тематики, проблематики и арсенала художественных средств; для него обязательно наличие идеального героя, противостоящего не менее "идеальному" в своей отрицательности негативному персонажу; и, наконец, обязательно служебно-оптимистическое звучание произведения в целом. Как видим, схема составлена по принципу абсолютизации некоторых черт, присущих просто слабым в художественном отношении произведениям югославской и зарубежной литературы. При этом, следуя логике этого стереотипа, высокохудожественные произведения выводятся за пределы социалистического реализма, точно также как все творческие успехи писателей, связанных с социальным реализмом, объясняются их отходом от метода социалистического реализма, его преодолением. Так пишется о М. Дичиче, М. Краньце и др. писателях Югославии, но и не только Югославии, а и советских писателях, например, о Леонове, В. Распутине, Ю. Казакове. Иными словами, социалистическому реализму отказывается в каком бы то ни было развитии, праве на внутреннее движение

на преодоление свойственных ему на предшествующих этапах недостатков, на расширение им границ художественного познания и обогащение изобразительных средств.

В последнее время, наиболее талантливые произведения социалистической направленности югославская критика, противопоставляя их "социалистическому реализму ждановского типа", называет произведениями критического реализма. Это наблюдалось в связи с романами М.Саболовича "Шрамы" и М.Бора "Долины".

На последнем заседании ЦК СКЮ /12,У1.1980 г./ Председатель Президиума ЦК СКЮ С.Дороньский, говоря об ответственности печати в социалистическом обществе, подчеркнул необходимость борьбы против мелкобуржуазных тенденций и попыток отождествить сталинизм с социализмом. Это очень важное заявление, ибо не только в публицистике, мемуарах, всевозможных эссе на эту тему но и в художественной литературе эти тенденции проявились достаточно широко /Д.Киш "Гробница Давида Борисовича"; С.Чуич "Облик Сталина"/. Но пока это не относится к произведениям критически изображающим отдельные проблемы югославской действительности /например, 1948 год/ или систему самоуправления, в результате все эти призывы оказывают мало воздействия на литературно-художественную жизнь страны. Основная причина такого положения заключается, по собственному признанию югославских деятелей культуры и партийных работников, в том, что ключевые позиции в области культуры, в Союзах писателей, художников, издательствах, редакциях журналов, жюри продолжают занимать люди "оказывающие сопротивление политике Союза коммунистов" и защищающие ложное понимание границ свободы творчества и встречающие любое требование марксистского анализа и марксистской критики как попытку идеологической догматизации и доктринерства"/И.Рачан